

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

Имиль Аккозиев

Наследники Каная

Бишкек-2020

УДК 929
ББК 63.3(2Ки)
А 38

Рецензенты:

К.И. Исаков, д-р эконом. наук, профессор,
проректор по учебной работе КРСУ,
Ю.П. Симаков, канд. техн. наук, доцент, зав.каф. НВИЭ КРСУ

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Аккозиев Имиль

А38 НАСЛЕДНИКИ КАНАЯ. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. – 160 с. – ил.

ISBN 978-9967-19-780-0

Автор книги – Имиль Акунович Аккозиев – заслуженный работник образования Кыргызской Республики, государственный советник 2-го класса, видный государственный и общественный деятель, кавалер медали «Данк», доктор технических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета.

И. А. Аккозиев посчитал своим долгом перед предками, родителями, другими близкими родственниками и односельчанами, которые много сделали для становления кыргызской государственности, а также перед потомками – нынешним и будущими поколениями кыргызстанцев, которым предстоит отстаивать государственность и суверенитет любимого Кыргызстана – описать свою и их жизнь в различные поворотные моменты истории, личный вклад многих в становление Кыргызской Республики. В книге показаны моменты становления Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ), а также кафедры «Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии» (НВИЭ КРСУ).

ISBN 978-9967-19-780-0

УДК 929
ББК 63.3(2 Ки)
© ГОУВПО КРСУ, 2020
© Имиль Аккозиев, 2020

*Книга посвящается
25-летию создания кафедры
«Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии»
Кыргызско-Российского Славянского университета,
75-летию со дня рождения доктора технических наук,
профессора Имиля Акуновича Аккозиева,
жителям города Каракола и села Уч-Кайнар*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

2020 год выдался трудным для всего мира. Пандемия жестоко ударила по социально-экономическим системам всех стран, и Кыргызстан не стал исключением. Но несмотря на перипетии, есть события, знаменательные для всего постсоветского пространства, над которыми не властна пандемия – это 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

2020 год стал юбилейным и для кафедры «Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии» (НВИЭ) Кыргызско-Российского Славянского университета, которой исполнилось 25 лет с момента создания, и сотрудником которой мне выпала честь быть с самого её основания. НВИЭ – самые современные и перспективные направления развития энергетики, её настоящего и будущего, без чего не может существовать человечество. Современная энергетика, построенная в основном на угле, углеводородах, существенно изменила мир, экологию и т. д. Добыча их приводит к серьёзным политическим разногласиям в мире, которые иногда оканчиваются военными конфликтами. Поэтому подготовка специалистов по НВИЭ – это серьёзная, важная государственная задача. Это значит, что наши преподаватели, учёные, инженеры, студенты находятся на правильном пути в будущее.

2020 год стал юбилейным и для меня – ровесника Великой Победы. 75 лет – это, может быть, и не такой солидный возраст по меркам одной человеческой жизни, может это и не так много, но если посмотреть на эту дату под историческим микроскопом, преломляя её сквозь политические, социально-экономические, да и просто человеческие связи, отношения и процессы, которые произошли в жизни обыкновенного человека, можно понять, как изменялось общество и государство, и, наверное, одной книги даже будет мало. И тем не менее, я решил написать эту книгу, отразив в ней глубинные процессы, которые происходили в Советском Союзе и в Кыргызской Республике, участником или свидетелем которых стал я сам и члены моей большой семьи.

Толчком для написания этой книги послужила статья журналиста Ш. Таянова «Наследники Каная», опубликованная в газете «Советская Киргизия» в далёком 1966 году. Здесь была описана жизнь одной кыргызской семьи: Каная и Бурулкан, их детей – Акуна, Калыя, Айжаркын, Зины, Мании. И мне захотелось продолжить описание жизни этих людей – моих родственников, их детей, внуков до самого 2020 года, то есть на протяжении 54 лет.

Материалы и события, изложенные в книге, отражают мой личный взгляд, мои мироощущения, а поэтому не могут трактоваться как государственная позиция. Первое название книги «На крутых поворотах истории».

Вместе с тем, я надеюсь, что мне удалось отразить тот плюрализм мнений, который присущ современному демократическому обществу. Именно поэтому я адресую её в первую очередь молодёжи, а также людям, которые были свидетелями этих событий, ну и, конечно же, всем детям нашей большой семьи, внукам, правнукам, – подрастающему поколению наследников Каная.

*С уважением,
Имиль Аккозиев*

Родная земля, Иссык-Куль мой родной,
Своей пуповиной я связан с тобой!
Грустить будет тот, кто оставил тебя,
Ты истинный клад, Каракол золотой.

Касым Тыныстанов

В 1966 году в газете «Советская Киргизия» видный государственный деятель, заместитель председателя Совета министров Киргизской ССР, журналист Шамши Таянов опубликовал статью «Наследники Каная», в которой рассказал о пути простой кыргызской семьи за период становления советской власти в Кыргызстане. Эта статья является знаковой для всего нашего рода, она и стала отправной точкой для написания этой книги, поэтому приведу её в этой главе полностью.

НАСЛЕДНИКИ КАНАЯ

«Когда 86-летняя Бурулкан рассказывала про всё это, её не покидала добрая, задумчивая улыбка, обращённая как бы в глубину памяти. О Каная, которого давно нет в живых, и о себе, о своих детях и внуках говорила она так, как говорят, перелистывая семейный альбом.

Есть на Иссык-Куле большой, известный по всему побережью колхоз «Заря коммунизма». Плечом к плечу по законам советского братства живут и трудятся здесь киргизы и русские, украинцы и узбеки, татары и дунгане. Колхоз богатый, в домах достаток, и в эти дни людям этим есть что вспомнить о пройденном.

Можно встретиться со многими жителями из «Зари коммунизма» и услышать их рассказы о прошлом и настоящем, о том, как изменилось всё и вокруг людей, и в их общественных отношениях, и в самом их внутреннем мире. Но рассказ Бурулкан символичен. Сама-то она и не думала ни о значении излагаемого, ни о выводах, которые можно сделать из многолетней цепи событий. Говорила она только о своей жизни. Но в этой жизни рисовалась судьба народа.

Много лет назад, когда белобородый Акказы заболел и понял близость своего часа, он позвал друга своего Норузбая, чтобы тот выслушал его последнюю просьбу.

– Ты знаешь, что жена моя родила много детей, а в живых остался единственный, сын мой Канай. Отец мой тоже выжил у моего деда единственным. Тяжело мне думать о прекращении рода...

И слабым голосом Акказы попросил, чтобы юного Каная Норузбай принял в свой дом и позаботился о нём.

– Не тревожься, друг мой, – отвечал Норузбай.

– Пусть Канай придёт ко мне в дом и станет старшим братом моего сына Мамыта.

После того, как Акказы покинул этот мир, так и стало.

Канаяу было уже около 30 лет, когда Норузбай собрал родственников на обед и объявил, что его дочь Бурулкан будет женой Каная.

– Как так? – удивились, заволновались, запротестовали родичи.

– А где калым? А обычай?..

«Вот и весь мой обычай!» – отрезал Норузбай. И Бурулкан, та самая Бурулкан из «Зари коммунизма», которой теперь 86 лет, стала женой Каная.

Через три года Норузбай собрал из общего их скромного достатка денег на маленькую юрту, дал молодым корову с телёнком и выделил их в самостоятельный двор.

Одной семьей джатакчи – бедных людей, за отсутствием скота не кочующих на летние пастбища, – стало больше.

Каждый устраивает свою жизнь по достатку. Канай стал пастухом и этим кормился. Но с наступлением зимы пастьба коров прекращалась, и того ячменя, которым ему платили в сезон такие же бедняки, как он сам, не хватало, чтобы припасти его к зиме на талкан и похлёбку. Юрта изнасилась, её со всех сторон продувало. Голые, босые и голодные дети болели. Смерть, скорая на это дело в те времена, не замешкалась, двоих унесла. Но двое сыновей уцелели. И Канай с Бурулкан не жалели никаких сил, чтобы их выводить.

Началась империалистическая война. У русского крестьянина Ивана Малыша взяли на фронт всех четырёх сыновей, и теперь он нуждался в мужских руках. К нему-то Канай и нанялся в работники. Он ухаживал за скотом, работал по хозяйству. Бурулкан доила коров, а сыновья Калый и Акун помогали отцу с матерью по своим силам.

Хозяин оказался добрым и отзывчивым человеком. Он справил Канаю новую юрту, дал муки, картошки, масла, велел вдоволь давать молока детям.

В семье Ивана оставались снохи с маленькими ребятишками, да у Каная четыре души. Едоков много. Но жили все как одна семья. Когда вернулись сыновья Ивана, он выделил Канаю корову, кобылу с жеребёнком и пять овец. С этим имуществом Канай вернулся в родной аил.

Шли 21-й, 23-й годы, годы земельной реформы и начала оседлости киргизов. Канаю наделили шестью гектарами поливной земли, дали по восемь пудов пшеницы и ячменя на семена и плужок «Аксай». Но одной лошадью землю не вспашешь. Для совместной обработки земли бедняки объединялись по два, по три хозяйства; стали строить землянки. Оставила юрту и семья Канаю.

В 1929 году, сдав в общее хозяйство две лошади и двадцать овец, Канай один из первых вступил в колхоз.

– Вот с тех пор и живём в своем селе Уч-Кайнаре, в «Заре коммунизма», – как бы заключает Бурулкан, – и слава богу, живём неплохо. Жалко, что нет Канаю. Не довелось ему дожить до радостных дней...

Нет, Бурулкан, конечно, не на этом закончила свой рассказ.

Читатель помнит, что в роду Канаю из поколения в поколение оставался в живых единственный мальчик. Так было с Канаем, так и с его отцом и дедом.

Канаю умер в преклонном возрасте в 1946 году. По словам Бурулкан, он жил бы и больше, если бы не вручили ему в 1943 году извещение о гибели на фронте Калыя. Бурулкан, как сейчас, слышит полный неизбывного горя голос Канаю: «Опять судьба оставляет Акуна единственным!..»

Послушаем, однако, о том, как продолжился род последнего из «единственных».

Таким последним был сам Канай. Ведь всё же он вырастил двух сыновей. И если один из них пал смертью храбрых на рубежах борьбы за свободу Родины, значит, он сделал своё дело в жизни. Он отстоял жизнь других, в том числе и своих детей, ибо, уходя на битву, он оставил жену с детьми, и сегодня они с нами. И вместе с многими и многими они встречают праздник народа.

И тут-то начинается главное в рассказе старой женщины.

Почему Канай и его предки испытывали такую тревогу и боль за продолжение рода? Не был ли их страх выражением инстинкта самосохранения целого народа на грани вымирания?..

А теперь о том, как далеко позади, навсегда в минувшем оставлена эта страшная грань. О том, как возрождённый народ идёт в своей новой жизни.

Акун. 1921 год. Он учится в интернате. Вступает в комсомол. 1925 год. Акун – секретарь волостного комитета ВЛКСМ. 1927–1928 годы: учёба в городе Твери. 1929 год: секретарь Тянь-Шаньского кантонного комитета ВЛКСМ, талантливый организатор молодёжи в борьбе за укрепление колхозного строя, в походе за культуру, против пережитков феодализма, против всего, что мешало народу окончательно сбросить с себя оковы и ветошь прошлого. 1930 год: он вступает в партию Ленина и до глубокой старости остаётся верным её солдатом – ведёт партийную и советскую работу... Глубокая старость застаёт его на посту охраны важных государственных объектов.

– Молодец, моя Майсара, – душевно отзывается Акун о своей теперь уже тоже немолодой жене, ушедшей на заслуженный отдых. – Серьёзный выдержала экзамен на строителя новой жизни...

Да, и она вместе с Акуном безупречно трудилась и славно прошла дорогой новой жизни народа. Получив высшее образование, многие годы учила молодёжь. Ныне многие из её воспитанников сами окончили высшие школы и влились в славную армию труда врачами и педагогами, инженерами и учёными, мастерами земли.

Майсара потратила немало сил для воспитания и своих детей. Их с Акуном старшая дочь Роза окончила политехнический институт и теперь руководит крупнейшим цехом Фрунзенского мясокомбината. Вместе с мужем Богонбаевым, научным сотрудником Института физики и горного дела Академии наук республики, они растят двух сыновей.

Старший сын Акуна – Болот окончил текстильный институт и руководит механическим цехом крупнейшего в Средней Азии камвольно-суконного комбината.

Второй сын Акуна – Эмиль отличником учёбы заканчивает политехнический институт. Вторая дочь Акуна – Римма окончила медшколу. Младшая дочь Рано и самый младший – Ильяс – учатся в средней школе: в девятом и седьмом классах.

Такова семья старого Акуна Канаева. Но у Акуна – три сестры, рождённые Бурулкан уже в годы Советской власти.

Старшая из них – Мания (ныне пенсионерка) воспитала сына Мамета и дочь Сайру. Мамет – бригадир комплексной бригады колхоза имени Кирова Ат-Башинского района вместе с женой воспитывает шестерых детей, в числе которых четыре сына. Сайра вместе с мужем, зоотехником того же колхоза, растят восьмерых детей.

У средней сестры Акуна, Зины, четверо детей. Двое из них недавно окончили среднюю школу, двое заканчивают. Кем кто станет? В нашей жизни много светлых дорог. Зина – акушерка и в духе своей профессии шутливо замечает по этому поводу: «Пока что боремся за здоровое советское детство!»

Айжаркын, младшая из сестер Акуна, – талантливый, известный в республике педагог с высшим образованием. Муж – Дюшенбай Шаршакеев – главный ветеринарный врач Министерства сельского хозяйства республики. У них растут четыре мальчика и две девочки.

От Калыя, старшего брата Акуна, оставалось два сына и дочь. В 1941 году, когда Калый ушёл на фронт, им было от двух до шести лет. Сейчас у Бектургана четыре сына и дочь, у Бакая три сына и две дочери. У Кермекаш четыре сына и две дочери.

– Слава богу, – радуется прабабушка Бурулкан, – все живут хорошо. И Бектурган, и Бакай, и Кермекаш – люди образованные, и детей, надо думать, хороших вырастят. А за всё спасибо дорогой моей Анар – жене Калыя. Нелегко ей было тогда с тремя мучиться. Когда Калый погиб на войне, была совсем молодая, а ничего для неё дороже детей не было. Полюбила я её тогда. Хоть и молоденькая, да умная. Всегда мне было с ней хорошо. А вот и у неё молодость прошла.

И Анар теперь бабушка. Да не какая-нибудь, а всеми уважаемая байбиче. Хорошо, когда жизнь проживёшь для людей с пользой.

Так говорила о себе, о детях, о внуках и правнуках 86-летняя Бурулкан. Так говорила она о жизни своего народа на самом главном, самом важном этапе его истории. Она видела орлиный взлёт родного народа. Крылья времени позволили и ей вместе со всеми взмыть в эту высоту. Потому звучит такой мудростью её тихий и внятный голос. Потому так и светла её улыбка, и так трезвы и счастливы глаза: за себя, и за Каная, да будет покоен прах его. Он ведь тоже в своё время не оробел перед новым шагом. Не он ли первым отдал для грядущей новой жизни всё, что имел. И не он ли сам благословил первенца туда, где решались судьбы народа!

Да будет покоен прах его. 61, а со снохами и зятьями 68 человек – таково сегодня потомство воспрянувшего рода Каная. И люди это совсем другие, не те, какими были Канай и его отец Акказы. Не рабы и не нищие, не обездоленные странники гор. 68 человек одной только семьи Каная подвигают великое дело созидания на земле, великое дело Ленина, дело коммунизма.

Вот и всё повествование старой Бурулкан.

Той самой Бурулкан, которую отец её Норузбай – слава ему и мир его праху! – отдал без калыма, ответив всем: “Вот и весь мой обычай!”».

Ш. Таянов. Советская Киргизия. 6 ноября 1966 г.

Отец – Аккозиев Акун, мать – Уразматова Майсара. 1938 г.

Бурулкан-эне, встреча Нового года. 1964 г.

Аккозиев Акун. 1943 г.

Аккозиев Акун. 1945 г.

Памятник Н.М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля,
г. Пржевальск, 1960 г.

Г. Пржевальск (ныне г. Каракол). Здание горисполкома. 1952 г.

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Наступил новый, 1953 год. Что он принёс в маленький провинциальный город Пржевальск (с 1993 года – Каракол), расположенный на севере Кыргызстана? Пржевальск – центр Иссык-Кульской области, в 10 км от озера Иссык-Куль. Что всегда отличало этот город? Это строгая, продуманная архитектура застройки города, которую сделали первые переселенцы из царской России во второй половине XIX века. Город стал носить название Пржевальск после внезапной кончины великого русского географа и путешественника Николая Михайловича Пржевальского, который первым провёл географические исследования в этой точке Кыргызстана. Здесь он, по рассказам старожилов, будучи на охоте выпил холодной воды из арыка и заболел брюшным тифом, а вскоре умер в лазарете небольшой крепости в городе Караколе, попросив похоронить его на берегу Иссык-Куля. До сих пор поражает своим трагическим величием выбор места могилы на высоком берегу Иссык-Куля и памятник из серого гранита, который является достопримечательностью города и памятным местом поклонения первооткрывателю Центральной Азии.

Город Пржевальск отличала прямолинейность и протяжённость улиц, которые уходили глубоко в горы Кара-Кольского ущелья, растворяясь в голубых заснеженных вершинах Ала-Тоо. Город отличался богатой зеленью садов и улиц. Особую красоту и стройность городу, его улицам придавали серебристые тополя. Впоследствии, читая детектив «Атомная крепость», изданный в Москве, я обратил внимание на такую с детства знакомую картину: «Наша машина ехала по прямым улицам города Пржевальска, залитым лунным светом на фоне высоких серебристых тополей». Такое упоминание моего родного города в детективе шестидесятых годов очень дорогого стоило.

У меня, мальчишки, которому едва исполнилось девять лет, это воспоминание о городе детства и юности осталось навсегда. И хотя мне удалось повидать в жизни много дальних стран и красивейших городов, меня по-прежнему всегда тянуло в город Пржевальск (Каракол), чтобы вдохнуть горный воздух и пройтись

по городу, который заряжал меня необычной энергетикой и своей красотой, которая не потерялась и с годами, хотя новое время внесло свои существенные изменения.

Начало 1953 года ознаменовалось в нашей семье прибавлением – родился младший брат Ильяс. Семья у нас была достаточно большой. Это были старшая сестра Роза, брат Булат, я – Имиль, сестры Римма и Рано. В общем, трое братьев и три сестры. Конечно, прибавление в семье – это было большое событие, но учитывая трудные времена с бюджетом в семье, это было достаточно смелое решение. Родители мои: отец Аккозиев Акун – служащий, мать, Уразматова Майсара – учительница географии в школе имени Кирова, где обучение велось на кыргызском языке. А зимы были тогда очень снежными и морозными, совсем не такими, как сейчас.

Наиболее ярким воспоминанием 1953 года для меня, школьника второго класса, было 5 марта, день, когда умер И. В. Сталин. Этот день был достаточно солнечным, но вокруг лежал снег. О смерти И. В. Сталина нам сообщила наша учительница начальных классов Анастасия Михайловна Шмелёва. С громким искренним плачем она сообщила эту весть, и дети все разрыдались. На следующий день нам сообщили, что наша школа будет возлагать венки и цветы в парке имени Пушкина – там на входе в парк стояла огромная скульптура вождя. Бесконечный поток людей, цветы, венки, всё это лежало перед памятником. Бесконечная очередь, громкий плач и искренняя скорбь. Весь народ задавался вопросом: как будем жить дальше? Накануне квартальные раздавали в каждый дом красную материю и чёрную ленту для того, чтобы на каждом доме висел траурный флаг. Все это происходило в маленьком городе Пржевальске. А что было по всей стране, во всем Советском Союзе? Позднее мы узнали, что в Москве в день похорон вождя были трагические случаи, в давке гибли люди. Хотя позже было много сказано и написано негативного о периоде правления И.В. Сталина. Споры об этом не утихают и в XXI веке, но такой искренности и скорби народа я больше не встречал никогда.

Мы жили недалеко от школы имени Чехова, в которой учились все наши дети, кроме старшей сестры Розы (она окончила

среднюю школу имени Кирова, которую также окончил Булат после перевода из школы имени Чехова). Мы проживали на улице Пролетарской. Нашими соседями были, в основном, русские, поэтому мы общались и обучались на русском языке, кыргызский язык мы немного учили в школе, постепенно его вообще убрали из расписания. На родном кыргызском языке мы, в основном, общались с родственниками из села Уч-Кайнар – это родина отца, в 6 км от города Пржевальска.

Наиболее близким другом для меня на долгие годы был сосед и одноклассник с первого класса Даир Чубаров. Отец у него был директор горторга, Булат Чубаров. В девятом классе отец его купил автомашину «Волга», на которой ездил Даир, но под строгим контролем матери Саламат-апы. И только после окончания института он получил право полного самостоятельного контроля над автомашиной. Класс у нас был небольшой, и к выпуску было 15 человек. Лидеров в учёбе было трое: я, Даир Чубаров и Коля Кудрявцев. Все мы получили серебряные медали после окончания 10-го класса. Всех нас троих объединяла любовь к чтению художественных книг. Уникальным человеком в этом отношении был Коля Кудрявцев. Родители у него были учёные из противочумного отделения, приехавшие из Москвы. У них была прекрасная библиотека, которая постоянно обновлялась. Коля, прочитав новую книгу, давал читать мне и Даиру. Книги – это была наша духовная пища, которая потом помогла нам в жизни.

Безусловно, главным воспитателем в нашей жизни была семья: отец, мать и наше окружение – соседи, родственники, школа, улица и так далее, то есть всё, что окружало нас. Когда-то в своей статье «Наследники Каная», опубликованной в газете «Советская Киргизия» 6 ноября 1966 года, журналист Ш. Таянов подробно рассказал историю становления нашей семьи, начиная со времён царской России и заканчивая социалистическим периодом 1966 года. Это была простая трудолюбивая семья, которая вела дружбу с русскими поселенцами, их дети играли и росли вместе, обучались русскому языку, который помог им в жизни. В год великой трагедии кыргызского народа – 1916-й год, которому сейчас дали название «Уркун», русские соседи спасли всю семью Каная,

спрятав их у себя. Один из детей русских поселенцев, Василий, стал другом Акуна на всю жизнь. Дети Каная: Акун, Зина, Мания, Айжаркын стали известными людьми в Кыргызстане, а старший сын Калый пропал без вести в 1941-м году на фронтах Великой Отечественной войны.

Отец наш, Аккозиев Акун, был, безусловно, выдающимся человеком своего времени. Он родился в 1907-м году в селе Уч-Кайнар, окончил русскую туземную школу в городе Караколе, а затем всем сердцем принял новую советскую власть. В 1921 году вступил в комсомол, был секретарём волостного комитета ВЛКСМ. В 1929–1931 гг. учился в городе Твери, недалеко от Москвы, в специализированной школе военных политработников, по окончании которой ему было присвоено офицерское звание старший лейтенант. Здесь же он вступил в ряды КПСС. По возвращении из города Твери он работает по направлению партии на юге Кыргызстана, в городе Узгене, а затем в Советском районе, на партийной работе, секретарём райкома партии. Здесь он встретил свою первую и единственную любовь – Уразматову Майсару, которая стала его женой. Майсара родилась в 1916 году, была татаркой по национальности, очень красивой и грамотной девушкой, которая приехала в город Узген со своими родителями и двумя сёстрами из России (город Куйбышев, ныне Самара, из села Мочалеевка). Их семья попала под пресс раскулачивания в те годы и была сослана в Среднюю Азию.

В 30-е годы Акун познакомился и подружился с Базылом Стамбековым, который был родом из села Алчалу, что под городом Токмаком, а его жена, Зина, была из села Бостери Иссык-Кульской области. Базыл Стамбеков был редактором районной газеты. И кто мог знать, что через много лет, а именно в 1971 году они станут близкими родственниками – кудалар, потому что дочь Базыла Бегаим выйдет замуж за Имиля, сына Акуна. Вот такие в жизни бывают совпадения. Акун и Базыл были в это время борцами за установление Советской власти на юге Киргизии, молодыми, смелыми, бесстрашными. Это была пора их молодости, пора отчаянной веры в светлое будущее.

В 1937 году в семье Акуна родилась старшая дочь Роза, и в это же время Акун едва не попал под каток сталинских репрессий. Накануне его конюх, который возил отца на дрожках (это была специальная лёгкая телега вместо персональной автомашины), узнал случайно и предупредил отца, что ночью его арестуют. 1937–1938 гг. – это был период сталинских репрессий. Отец вечером вместе с женой и дочерью добрались до города Джалал-Абада, а затем доехали на поезде до города Фрунзе. На следующий день после приезда Акун пошёл в главный партийный орган – Киробком партии. Я думаю, что ему повезло, что он встретил порядочных людей, которые выслушали его и поверили, что за ним нет ничего плохого. На следующий день Акуну сказали, что его принимают на работу инструктором обкома партии, выделяют ему комнату в престижном по тем временам доме на углу улиц Советской и Московской. Этот одноэтажный дом со многими подъездами простоял до 1982 года, затем его разрушили, а рядом выстроили девятиэтажный дом, в котором мне спустя два года выделили квартиру на шестом этаже. Акун Аккозиев проработал в Киробкоме партии до начала войны 1941 г. Это было хорошее время для молодых. Мать, Майсара, окончила двухгодичный педагогический институт и стала учителем. Многие родственники и знакомые постоянно посещали этот дом, среди них – будущие профессора, которые тогда учились в медучилище: Булатова Н. М., Сопиева Ж., сестра Зина, которая была с отцом в городе Твери и др.

В самом начале войны, в июле 1941 г., Акун был призван в ряды Советской Армии, где вначале он готовил солдат, мобилизованных для отправки на фронт. Местом сбора и обучения была железнодорожная станция Чалдовар. Об этом времени рассказал мне как-то ректор КГНУ, академик НАН КР Оторбаев Кайып Оторбаевич. Мы с ним познакомились в 1993-м году, когда оказались на одной встрече. Он мне сказал: «Имиль, ты мне напоминаешь твоего отца в молодости. В 1941 году нас, молодых ребят из айылов, собрали для отправки на фронт на станции Чалдовар. Мы были разные, но больше всего меня поразила беднота одежды будущих солдат. Когда появился наш командир, Аккозиев Акун, в красивой офицерской форме, он был похож на генерала.

После двух месяцев обучения нас отправили на фронт, но память о нашем первом командире осталась навсегда». И впоследствии, при каждой встрече со мной, Кайып Оторбаевич всегда с благодарностью вспоминал моего отца Акуна.

В декабре 1941 г. Акун Аккозиев был отправлен в действующую армию на Южный фронт, где он служил до июля 1943 г., когда, получив ранение, был направлен на лечение в госпиталь города Ташкента. Затем он обучался на курсах артиллерии. С марта 1944-го по июль 1946 г. был начальником второй части Кантского РВК (районный военный комиссариат) Фрунзенской области. А с 15 октября 1946 г. по 26 ноября 1947 г. был назначен председателем горисполкома Пржевальска.

В 1947 году Аккозиев Акун решением Бюро ЦК Компартии Киргизии был освобождён от должности председателя горисполкома города Пржевальска за отказ ехать в Москву учиться в высшей партийной школе. После этого его перевели на хозяйственную работу: занимал должности директора горкомхоза, директора Аксуйского заповедника, директора колхозного рынка и так далее. После решения Бюро ЦК что-то в нём надломилось, осталась обида на несправедливое решение, хотя характеристики за этот период были у него отличные. Уже будучи взрослым, я как-то спрашивал отца, почему он отказался ехать учиться, тогда ему светили бы высокие должности, и нашей семье было бы легче. На что он мне ответил: «Мне было очень трудно: не было своего дома, мы жили бедно, большая семья, которую после войны надо было кормить. Я просил на Бюро ЦК Компартии дать мне два года отсрочки, но первый секретарь ЦК Компартии Вагов отказал мне. Наверное, его сломала война, ранения, он не нашёл поддержки и долго до пенсии работал рядовым сотрудником. Он был честным и порядочным коммунистом, никогда ничего не брал ни у государства, ни у людей, не знал такого распространённого сегодня слова «коррупция».

В отношении воспитания детей отец был строг и частенько доставал детей «ремнём» за различные шалости и провинности. Мы работали с малых лет на картошке, а также на различных работах, где можно было использовать детский труд. Всегда был честен

и никогда не разрешал брать чужое, даже яблоки из чужих садов – обычной «забавы» почти всех детей. Вспоминается случай перед свадьбой сестры Рано. Мы с женой Бегаим приехали пораньше в город Пржевальск, чтобы помочь матери в подготовке к свадьбе. Я работал тогда в Министерстве мясной и молочной промышленности Киргизской ССР. Для свадьбы на мясокомбинате купил две туши барана. Когда я привёз их домой, отец строго спросил: «Ты заплатил или нет, иначе вези обратно». Я сказал, что заплатил, а это действительно было так, тогда он разрешил занести их домой. Этому принципу коммуниста он был верен до конца жизни. В 1981-м году он погиб в аварии, возвращаясь с похорон сестры Мании из города Ат-Башы, при этом погибли сестра Зина-эже и жезде – муж Айжаркын-эже – Шаршекеев Дуйшебай.

Друзей у отца было немного, в основном, это были те люди, с кем он дружил в молодости. Это Шамши Таянов, заместитель Председателя Совета Министров КР, Абдулла Минжилкиев, отец народного артиста СССР Булата Минжилкиева, Базыл Стамбеков. Вспоминается моя встреча с А. Минжилкиевым, когда он в 1956 году приехал в Пржевальск и жил почти месяц в нашем доме. Дом у нас был небольшой: две комнаты и маленькая прихожая. Абдулла Минжилкиев был одним из первых учёных-кыргызов, кандидат геолого-минералогических наук. Мы с ним много гуляли по городу, он мне много рассказывал о геологии, уговаривал меня, чтобы я стал геологом, подарил свою книгу и показывал различные камни, объясняя из чего они состоят. Потом он ещё несколько раз приезжал с семьёй, когда был в экспедиции и среди его детей был Булат Минжилкиев, будущий знаменитый оперный певец.

Главным мотором, душой семьи, была наша мать – Уразматова Майсара, которая родилась в 1916 году. Только благодаря её неустанной энергии, трудолюбию, заботе о детях, семье, все дети, а их было шестеро, получили высшее образование и стали известными людьми в Кыргызстане. Мать после окончания двухгодичного института, ещё до войны, став преподавателем географии, ни разу не изменила своей профессии. В трудные годы войны она работала и жила в селе Сарыкамыш, Аксуйского района Иссык-Кульской области, вместе с сестрой Рабигой, у кото-

рой муж был на фронте и пропал без вести. Остались двое сыновей Исхак и Равиль. После окончания войны и переезда в город Пржевальск, Майсара работала в школе имени Кирова вплоть до ухода на пенсию, преподавала географию на кыргызском языке. Забота и воспитание детей были на её плечах. Рядом с домом, который построил отец, был небольшой участок и маленькая времянка на пересечении улиц Папанина и Пролетарской, где жила сестра Рабига, которая в основном помогала растить детей Майсары. Сама Рабига работала на опытном участке, где выращивали лекарственные травы. В 1958 году сын Исхак построил хороший дом из двух комнат, работая на военном заводе на пристани. Была у матери ещё сестра Ира, которая умерла во время родов в городе Фрунзе в 1942 году.

Майсара в трудные пятидесятые годы поддержала отца, детей, когда пришлось жить на зарплату учителя. Особенно трудными были годы, когда в конце пятидесятых годов учителей с неполным высшим образованием заставляли учиться заочно в Кыргызском государственном университете, чтобы преподавать в старших классах. В этот период её перевели на должность лаборанта. Она дважды в году, зимой и летом, уезжала в город Фрунзе учиться и сдавать экзамены, а также в течение года писала и отправляла контрольные. Тогда это была серьёзная учёба, которая называлась заочной.

Эта учёба была почти пять лет до 1961 г., когда она закончила университет и получила диплом о полном высшем образовании. На этой работе она проработала до 1966 г., где её торжественно проводили на пенсию как многодетную мать в 50 лет. Она не спорила, не сопротивлялась, ей была назначена хорошая пенсия 140 рублей в месяц. В это время у неё оставалось двое детей, которые вскоре уехали учиться, и они остались вдвоём с отцом в доме. Отец также вскоре вышел на пенсию, стал пенсионером районного масштаба.

Несмотря на бытовые трудности, она никогда не унывала и поддерживала детей, как могла. Особенно было трудно, когда сын Булат учился в Ташкентском текстильном институте, и у него была стипендия 26 рублей. Мать ежемесячно отправляла ему

10–20 руб. Мать всегда была приветлива, хотя дома часто были только чай, сахар и хлеб, встречала родственников отца из села Уч-Кайнар, некоторые из них умудрялись жить по несколько месяцев в нашем доме, естественно, ничего не платя, и питаясь за общим столом.

Благодаря мобильности и оперативности нашей матери студентами стали Роза и Болот. Когда она услышала по телефону, что есть проблемы при поступлении, она немедленно на автобусе выезжала во Фрунзе, решала их вопросы. Отец редко выезжал из Пржевальска, а наша мать приезжала в Ташкент, когда Булат защищал дипломный проект, она приезжала в Москву, когда защищала диплом Рано, и снова в Москву, когда защищал диссертацию Булат, и ко мне приезжала в Москву, когда я учился в аспирантуре.

Такая бурная неиссякаемая энергия была при подготовке свадьбы дочери Рано и Каната Турусбекова. После окончания свадьбы через некоторое время у неё случилось внутреннее кровоотечение, которое само остановилось. Нашу мать на самолёте санитарной авиации из Пржевальска перевезли во Фрунзе, в клинику Ахунбаева. Это все организовал Булат. После этого мама уже не приезжала в Пржевальск, осталась во Фрунзе, в нашей квартире. Я уже имел двухкомнатную квартиру в пятом микрорайоне. Через некоторое время я поехал в город Пржевальск на грузотакси и забрал отца вместе со всеми вещами. Всё их богатство поместилось в одной грузовой машине. В основном, это были стулья, кровати, одеяло, стол, телевизор, приёмник, трюмо. Наш дом купила соседка практически за бесценок, часть вещей забрал двоюродный брат Бектурган, который жил в селе Уч-Кайнар. Вот так и закончилась наша жизнь в городе Пржевальске.

Во Фрунзе мы жили одной большой семьёй (отец, мать, Ильяс, Бегаим, Кубан, Бактыгуль) в нашей двухкомнатной квартире в пятом микрорайоне, практически до 1978 года, когда родители получили двухкомнатную кооперативную квартиру в седьмом микрорайоне. Здесь неугомонная мать за день успевала побывать у дочерей Розы, Риммы, Рано. В 1984-м году в январе она безвременно скончалась, сильным ударом для неё была смерть отца

Акуна при аварии 1981 г. Светлая добрая память осталась у детей, внуков о нашей матери, Уразматовой Майсаре.

В большой семье процесс воспитания базировался, в основном, на подчинении младших старшим. Но конфликты среди детей возникали часто. Достаточно большой разрыв между детьми – три-пять лет, что подчёркивало преимущества, и такие споры часто кончались ссорой, а то и дракой. Но все ставил на свои места ремень отца. Однако это не мешало нам быть дружной трудолюбивой семьей, дружной семьей Аккозиева Акуна. Каждый из детей имел свой характер и только ему присущие черты.

Старшая сестра Роза родилась в 1937 году. В моей памяти она осталась как лидер среди детей. Училась она вначале в школе имени Пржевальского, а окончила уже школу имени Кирова. Это была смелая и отчаянная девочка, которая часто спорила и доказывала свою правоту старшему брату Булату, и он соглашался с ней.

Запомнился один случай, когда она спасла нас от больших неприятностей. Летом, после первого курса, она приехала домой. В одну из ночей кто-то постучал к нам в окно и закричал, что мы горим. Отца в эту ночь не было дома. Мать и Роза побежали к двери в прихожей, но она была закрыта и горела. Тогда они выскочили в окно сада. Горела дверь и тряпки возле двери. Во дворе стоял молодой человек. Роза кинулась в сарай взяла вилы и лопату, а также ведро с водой и начала тушить огонь. Также сказала молодому парню: «Что стоите, помогайте тушить!». Мать стояла рядом и держала вилы. Молодой человек что-то ответил, затем незаметно исчез. Потушив огонь, открыв двери мы все вышли во двор. Тёмная летняя ночь окружила нас. До утра мы уже не спали. Утром мы обсуждали, что это было? Кто это поджёг дом, и кем был тот молодой человек. Страх прошёл позже, когда пришел отец, который осмотрел дверь, отремонтировал её, а затем поставил новую дверь.

В другом случае, она гладила бельё, а я сильно мешал ей. Она пригрозила мне, что обожжёт меня, если я не перестану мешать и шкродничать, но я не слушался и продолжал мешать, и тогда она меня действительно обожгла, достаточно чувствительно, и я сразу прекратил ей мешать. Но всё это никак не помешало мне любить

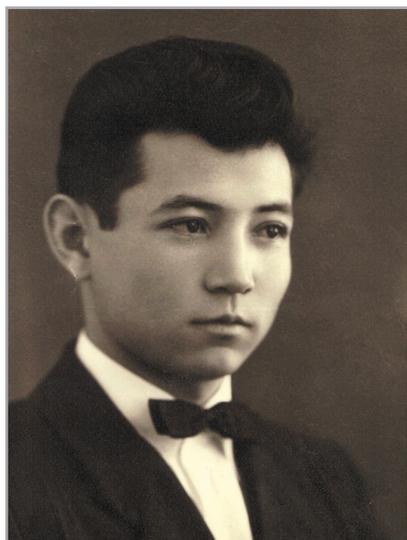
её, да и она сохранила свою любовь к младшим, будучи взрослым и семейным человеком. Практически, все мы вышли из её дома.

Однажды, когда я был школьником на экскурсии в городе Алма-Ате, я купил ей модную балетку (сумку) для книг и тетрадей, которую она носила в Политехнический институт. Мне она на зимних каникулах как-то привезла костюм (жёлтая куртка и брюки), которые я с удовольствием носил несколько лет, да и после, когда учился в ФПИ, она привозила из Москвы мне костюмы, причем, всегда очень удачные. Муж Розы - Богомбаев Сарпек Саркушевич, крупный специалист в угольной промышленности. Дети - Богомбаевы Эдилбек, Темирбек, Бермет.

Яркой личностью для меня в детские годы остался брат Болот. Он родился в 1940 году. Рано повзрослев, он нёс основную нагрузку за старшего в семье. В его обязанности входило подготовить дрова, затопить печь, принести воду, её надо было носить за несколько кварталов, а когда у нас была корова – напоить, накормить, убрать навоз, убрать снег во дворе, а зимы были снежные, летом ухаживать за садом, поливать его, но особенно было трудно, когда мать уезжала на учёбу в город Фрунзе дважды в год, летом и зимой. В это время он часто не успевал что-то сделать и поручал мне, а я забывал и не делал. И тогда мы часто ругались, но всё решал ремень отца, который доставал Болота и меня. Болот был старше и шустрее, успевал выбегать на улицу, а я оставался в доме и прятался под столом или под кроватью, становясь лёгкой добычей для отца, а затем, получив свою порцию, плакал и шёл к сестре матери, Рабиге, которая жила рядом, и она меня успокаивала. Но это было терпимо, в порядке вещей, мы понимали, в чём провинились, и ни у кого тогда не возникало вопросов о защите прав детей, как это происходит сейчас, в XXI веке.

Старшая сестра Богомбаева Роза. 1955 г.

Старший брат Акказиев Булат. 1961 г.

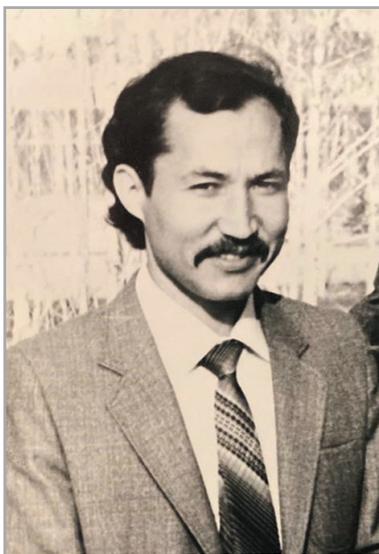
Аккозиев Имиль. 1967 г.

Сестра Носинова Римма. 1970 г.

Сестра Турусбекова Рано. 1971 г.

Брат Акказиев Ильяс. 1974 г.

Выпускной класс, Последний звонок. 1962 г.

Такие споры и разногласия были редкими, и конечно, закончились, когда он уехал учиться в Ташкентский текстильный институт в 1957 году. Меня поражала его огромная работоспособность. За что бы он ни брался, у него всё хорошо получалось. Летом он вместе с двоюродным братом Равилем работал на лошадях при заготовке сена в Плодовинсовхозкомбинате у Б. Стамбекова. Учился он хорошо, вначале в школе имени Чехова, в восьмом классе перешёл в школу имени Кирова, которую окончил на русском языке. В этой школе он научился водить трактор, ездил за песком на пристань за 10 км. Научился работать на токарном станке настолько хорошо, что сделанный им экспонат чертильного прибора демонстрировался на выставке детского творчества в городе.

Особой его любовью было участие в духовом оркестре, где он играл на трубе. Без них не обходилось ни одно праздничное или школьное мероприятие. В это время он увлекался спортом – гимнастикой; был победителем школьной спартакиады Иссык-Кульской области. У него была хорошая дикция и прекрасный голос. На смотре художественной самодеятельности школ города он был конферансье от школы имени Кирова и исполнил прекрасную песню «Севастопольский вальс», за что был награждён ценным призом – набором книг.

Однажды летом, когда я был в пионерском лагере на Иссык-Куле, он приехал меня навестить и привёз мне гостинцы вместо родителей, за что я был ему благодарен. Так как в это время был родительский день и ко всем школьникам приехали родители. Я думаю, все эти качества впоследствии помогли ему стать партийным руководителем (2-м секретарём Свердловского райкома партии, заведующим отделом ЦК компартии Киргизии, Министром статистики КР, директором кыргызского камвольного-суконного комбината, где работало 5000 человек, окончить в Москве Академию общественных наук и стать кандидатом экономических наук).

Огромная занятость по дому ему не мешала играть с друзьями на улице. Однажды он сделал поджиг (самодельный пистолет из медной трубки и рукояти из дерева), который он зарядил голов-

ками от спичек и бумажным пыжом, спрятался за бочку и поджёг его. Раздался взрыв, это разорвалась медная трубка и слегка обожгла ему лицо. Хорошо, что он спрятался за бочку, потому и не было серьёзных повреждений. Это было время, когда мальчишки постоянно увлекались изготовлением таких поджигов. За этот «подвиг» он получил от отца серьёзную трёпку. Вот он какой был, мой старший брат Булат. Его супруга – Бадамшина Флюра Магарифовна. Дети – Акказиёвы Гулюм, Дамир и Тимур.

Особое место в рассказе о моей семье занимает сестра Римма, которая родилась в 1948 году. Я думаю, что Римма была в семье самой красивой и обаятельной, как в детстве, так и во взрослой жизни. Её жизнерадостность, трудолюбие, умение общаться и дружить позволяли ей быть желанной и приятной в самых престижных кругах общества. Добрым именем её вспоминают семья генерала Субанова и Орузбаева, и адмирала Темирова. Её уважали в Москве профессор Н.А. Лакота, Герой Социалистического Труда профессор А.Г. Алексенко и его жена Любовь Наумовна.

Природа одарила её не только красотой, умом, но и прекрасным голосом. И она была душой общества, компании, и не кокетничала, когда её просили спеть. Ещё обучаясь в шестом классе, она выступила солисткой на смотре художественной самодеятельности школ города, где отметили её талант.

В жизни у неё было много трудностей. Так, в возрасте четырёх-пяти лет она упала с русской печки, которая была у нас в Пржевальске, в казан с кипящим шорпо, но в это время у казана был отец, который поймал её налету, но всё же краем головы она зацепила горячий бульон. На голове остался небольшой след, который не был виден из-за волос. На следующий день отец разломал эту русскую печь, в которой мать иногда пекла хлеб и сдобные булочки и поставил простую плиту.

В детстве я с ней часто ругался и спорил по праву старшего, не понимая, что это девочка, сестрёнка. Потом, уже будучи взрослым, педагогом, я часто думал, что такое детская агрессивность, а порой жестокость, откуда она берется. Но до сих пор так и не нашел ответа.

Будучи студентом, когда я был на практике в городе Харькове, проезжая через Москву, я купил ей много вещей, модное пальто, которое очень украсило её, да и уже во взрослом возрасте мы часто помогали друг другу и общались семьями. Она была дружна с моей женой Бегаим Стамбековой, а жили мы рядом, мы – в Доме торговли, а Римма – на бульваре Дзержинского.

Римма после окончания седьмого класса поступила во Фрунзенское медучилище, а окончив его, стала работать медсестрой в здравпункте камвольно-суконного комбината, и жила она у старшей сестры Розы, которая уже имела с мужем Сарпеком Богомбаевым квартиру на углу улиц Ярославской и Душанбинской. Эта квартира выдержала поток всех родственников Богомбаевых, Аккозиевых и весёлые кутежи молодых друзей и коллег. За что мы благодарны этой семье.

Что отличало Римму – это её профессиональная подготовка, каждый год на 2–3 месяца она выезжала в пансионат камвольно-суконного комбината, где работала за врача и оказывала помощь отдыхающим. К счастью, за время её работы на Иссык-Куле происшествий не было.

В 1968 году она вышла замуж за Носинова Марса, уехала в город Ош и там заочно окончила Ошский педагогический институт, получила специальность биолога. Всю свою энергию, талант она посвятила семье. У неё трое дочерей – Салтанат, Анара, Алтынай и сын Азамат.

Так уж случилось по жизни, что мне не пришлось увидеть, как росли и учились моя младшая сестра Рано и брат Ильяс. Но то, что они росли в лучших условиях, чем мы, это точно. Мать и отец финансово были уже более состоятельны, а тратиться на двоих детей надо было гораздо меньше, чем раньше, в большой семье. Многие дети уже повзрослели и уехали из города Пржевальска. Конечно, у младших были свои детские забавы и шалости.

Рано успешно окончила школу имени Чехова, поступила в Московский институт потребительской кооперации, расположенный в городе Мытищи, по окончании которого немного работала в городе Фрунзе, затем вышла замуж за Турусбекова Каната, который впоследствии стал директором завода имени Ленина. Рано посвятила

себя семье, воспитав пятерых детей: Нургулю, Айсулуу, Айгулю, Самата, Азамата.

Младший брат Ильяс успешно окончил школу имени Чехова, поступил во Фрунзенский политехнический институт, по окончании которого получил специальность инженера-механика. В школе Ильяс был очень хорошим спортсменом, обожал зимой каток, играл в баскетбол, выступал в республиканских соревнованиях по спортивному ориентированию. В это время у родителей появилась возможность купить ему мопед, на котором он с друзьями ездил к озеру Иссык-Куль, к Николаевскому затону, где он делал заплывы до 5 километров.

Хорошая физическая подготовка, знания, полученные им в институте, позволили ему пройти путь от мастера до директора завода «Союзмясмолтара», которым он руководил в течение 30 лет. Я посоветовал ему пойти на этот завод после окончания института, так как работал в это время в Министерстве мясной и молочной промышленности Киргизской ССР. Ильяс показал себя хорошим специалистом-инженером и впоследствии хорошим менеджером. Завод выпускал двери для холодильников всего Советского Союза и отдельных зарубежных стран. Женой Ильяса стала Абылова Эркегуль, дочь друзей наших родителей и соседей по Пржевальску. У Ильяса родилось двое детей: сын Данияр и дочь Гульнура.

Память о детстве переносит нас в далёкие послевоенные годы, когда страной ещё руководил Сталин. Только несколько лет прошло после Победы, и хотя Пржевальск находился далеко от мест боёв, но проблемы восстановления страны коснулись и нас. Были трудные дни: в 6 утра нужно было вставать в очередь у ларька за чёрным хлебом, а белый был большой редкостью, только по праздникам. Особенно людей радовало ежегодное снижение цен на продукты и товары, о которых объявляли обычно в апреле. В этот день мы ожидали, когда в 12 ночи открывался самый большой продуктовый магазин № 3, мы заходили в него совершенно спокойно. Нам, детям, достаточно было купить немного конфет, и мы были счастливы, сколько было радости. Страна медленно, но настойчиво вставала из руин, возводила разрушенные города

и сёла, развивала экономику, без которой было не одолеть разруху. В нашем городе, как, наверное, и в других городах страны, напоминанием о прошедшей войне были инвалиды – мужчины без ног, без рук. И это была суровая память войны. Потом наступила пора серьёзных перемен в политической жизни страны. Мне помнится, на одном из уроков мой друг, Валерка Борисков, на бумажке написал, что Сталин – предатель, изменник родины. В Советском государстве поменялось руководство страны: после серьёзных потрясений к власти пришёл Никита Сергеевич Хрущёв. Каких-либо обсуждений и разговоров об изменениях в руководстве страны не было. Мне кажется, что заложенные Сталиным методы руководства, подчинение всех и вся воле партии, оказали Хрущёву неоценимую помощь. Сейчас понятно, что уже в 1957 году проявился волонтаризм Хрущёва, который от имени партии заставил капитулировать самых авторитетных в эти годы высших руководителей, так называемую антипартийную группу Молотова, Кагановича, Сабурова, Первухина, Шепилова и других. Давать однозначную оценку этому периоду я не берусь, но в памяти моей остались некоторые отрицательные моменты развития страны. Это повсеместное внедрение кукурузы от северных широт до южных, несмотря на различия в природных зонах. Это освоение целинных земель, когда был нанесён большой ущерб сельскому хозяйству, ведь десятки тысяч тонн зерна нового урожая просто погибли из-за неподготовленности сельского хозяйства к приёму и переработке зерна, а в последующие годы СССР был вынужден закупать зерно за границей. Большой урон населению, особенно в сёлах и небольших городах, был нанесён, когда запретили держать коров и домашний скот в домашних хозяйствах. Для многих семей это была трагедия. В нашей семье с большим трудом родители приобрели корову, она была нашей кормилицей. Нам с братом Булатом было особенно трудно, но мы терпели. Но когда нас силой заставили вести корову на мясокомбинат, мы, дети и взрослые, плакали. Позже в мемуарах я читал, что кто-то посоветовал Хрущёву, что если убрать в частном хозяйстве коров, то люди будут лучше работать в государственных учреждениях, не заботясь о личном подворье. Чего стоит чехарда с разделени-

ем партийных органов на промышленные и сельские, создание совнархозов. Всё это создавало нездоровую обстановку как в экономике, так и в политической жизни. Чего стояли популистские лозунги, в частности: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», был разработан «моральный кодекс строителя коммунизма». Всеми этими действиями Хрущев извратил понятие коммунизма и социализма, хотя там были заложены общечеловеческие ценности: человек человеку друг, товарищ и брат. Все это в будущем сыграло на руку США и другим капиталистическим странам, которые под маркой демократии и свободы слова сумели доказать, что слово «коммунизм» стало «нарицательным», и сейчас многие страны ведут борьбу против понятия коммунизма, считая это мракобесием. Именно Хрущёв создал предпосылки для развала великого могучего Советского Союза (СССР), который успешно воплотили Горбачёв и Ельцин.

Я не считаю себя сталинистом и не оправдываю репрессии и методы его руководства, но не могу понять, как можно было после смерти Ленина, начиная с 1924 г. построить великую могучую высокоразвитую мировую державу – Союз Советских социалистических республик (СССР). Как можно было преодолеть сопротивление бывших богачей в царской России, а в Средней Азии – баев и ханов, которые стали белогвардейцами, контрреволюционерами, басмачами, религиозными фанатиками, которые оказывали вооружённое сопротивление новому строю социализма. И после победы в Гражданской войне контрреволюционеры во главе с Троцким и с помощью США, Англии и других европейских стран открыто вредили СССР. И даже в этих условиях до 1941 г. была создана такая промышленность, которая смогла противостать фашизму и победить в Великой Отечественной войне.

Великая Отечественная война, которая велась против СССР фашистской Германией с участием всех европейских государств, показала силу и сплочённость народов СССР, которые выстояли и разгромили фашистов. Последующие годы, практически до 1953 г., были годами восстановления городов и сёл, промышленности, сельского хозяйства. Именно в эти годы был создан ядерный щит СССР, и в эти годы были заложены основы ракетной тех-

ники, которая впоследствии была преобразована в космические программы. В эти годы были построены семь уникальных высотных зданий в городе Москве, которые стали визитной карточкой СССР. Философия, исторический и диалектический материализм на нашем примере показали, что творцом истории является народ. Однако, как и по какому пути будет развиваться страна, кому доверяет народ и какой будет руководитель, это очень важно, поэтому историю делают руководители страны и руководимый ими народ. Я думаю, что в истории СССР, России таким был Сталин со своими ошибками. Роль личности в истории так велика, что, изучая опыт многих стран, можно заметить: в странах, где глава государства правильно руководит страной, когда он ответственен за страну и народ, страна развивается и становится богатой, самодостаточной, а в странах, где руководитель думает только о себе и приближённых, думает только о личном обогащении, царит бедность, нищета, хотя природные ресурсы достаточно богаты. Это простая аксиома.

К сожалению, человек в обществе всегда остается подвержен «животным инстинктам»: это зависть, жадность, преобладание сильного над слабым и так далее. И как говорил известный русский поэт, «и зверя нет страшней, чем человек». Всё это присуще современному капиталистическому миру, где в основе существования человека лежат так называемые «рыночные отношения», и которые говорят: только «бизнес и ничего личного».

Вспоминая свои детские годы, я всегда помню их с лучшей стороны, хотя материально они для нас были трудными и тяжёлыми по ряду понятных причин. Школу свою я вспоминаю с удовольствием, наверное, потому что я любил учиться, и учился, в основном, на «отлично». Поэтому отношение ко мне одноклассников было всегда доброжелательным. Мои друзья, которые всегда были рядом со мной, тоже отлично учились. Это Даир Чубаров, Коля Кудрявцев, а в старших классах – Василий Лобов. Прекрасная учительница начальных классов Анастасия Михайловна Шмелёва, которая жила выше нас по улице, мы часто помогали ей нести тетради, а она с нами дополнительно занималась.

В старших классах запомнилась учительница английского языка А.И. Жирновникова, учительница русского языка Л.М. Попова, М.Н. Слюсарева, преподаватель биологии В.Н. Крылова, завуч школы Лев Петрович Сорокин, и другие. В старших классах запомнился преподаватель физики Л.П. Бабаскин. С этим именем у меня связана любовь к энергетике. В кружке, который он вёл, мы с Василием Лобовым впервые сделали электрический звонок, который звонил за километр и более, он научил нас использовать кинопроектор «Украина» для показа кинофильмов в школе, которые мы брали в прокате, вместе с ним впервые установили телескоп для учебных целей. Он был у нас классным руководителем, жил рядом со школой, был строг, но всего себя без остатка, как говорится, отдавал детям, школе. Я думаю, что благодаря ему я стал энергетиком, а Василий Лобов стал лётчиком, командиром самого большого военного самолёта. К сожалению, весной 1961 г. преподаватель Л.П. Бабаскин был вынужден уехать в Россию в город Курск. Весь наш класс без разрешения дирекции школы пошел утром провожать его на вокзал, сорвав уроки, за что нас очень ругали. Новым классным руководителем стала преподаватель химии Н.И. Изюмская. В послевоенные годы, удивительно, народ как в нашем городе, так и по всей стране умел жить, работать и отдыхать, хотя не было телевизоров, а радио – сначала это были «чёрные тарелки», а затем небольшие приёмники, гораздо позже появились радиоприёмники, широко были распространены патефоны и пластинки, которые потом использовались в проигрывателях радиоприемников. Народ в нашем городе очень любил парк имени Пушкина, а жители, проживающие рядом с городом, по воскресеньям приезжали на ипподром, где проводились скачки на лошадях, кыргызские игры: аламан байга, куреш, козлодрание и другие. В парке имени Пушкина в субботу и воскресенье проводились спортивные соревнования – футбол, баскетбол, волейбол, легкая атлетика, бокс, борьба и другие. Очень часто выступали различные коллективы художественной самодеятельности, а иногда и профессиональные артисты приезжали из Фрунзе. Народ очень любил кино, а мальчишки любили смотреть по нескольку раз кинофильм «Чапаев», «Вратарь», «Первая перчатка»,

которые потом бурно обсуждали. Часто можно было видеть в парке, особенно по субботам и воскресеньям, когда собирались семьями, с друзьями располагались на траве и, конечно, основным напитком было пиво. Работал летний ресторан, но больше всего детям нравилось мороженое и горячая тандырная самса. Всё это создавало у людей доброе и хорошее настроение, а праздничные демонстрации 1 мая и 7 ноября создавали благоприятную атмосферу для народных гуляний.

Особенно в памяти остался 1957 г., когда в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В эти дни особое настроение праздника было присуще всей стране. Над нашим городом в день открытия фестиваля летал самолёт, разбрасывал листовки с планом проведения мероприятий. Почти неделю весь город жил только этим событием, было очень много концертных точек, спортивных мероприятий и, конечно, был памятен значок пяти континентов и другие сувениры. Весь мир казался дружным, братским, солидарным со всеми национальностями СССР и народами всего мира. Мне нравились эти мероприятия, и я часто ходил на них один.

С большим трудом я окончил три класса музыкальной школы по скрипке, но больше я не смог учиться по объективным и субъективным причинам. В это же время эту школу оставил мой сосед Даир Чубаров. Но у меня была одна большая страсть – читать книги. Начав с детских сказок, записавшись в городскую библиотеку, я до окончания школы брал книги в этой библиотеке. Книги были частью моей жизни, читал их, что называется, запоем, даже иногда забывал делать свою работу по дому, за что частенько получал от отца вполне заслуженное наказание. Таким же книголюбом был Даир, с которым я вначале ходил в библиотеку, но позже он их брал у меня. Но самым большим книголюбом был Коля Кудрявцев. Он имел дома хорошую библиотеку и делился книгами с нами, прочитав их. Эту страсть читать книги, газеты, журналы на ходу, дома, на улице он не оставил до конца своей жизни, когда работал в Пржевальском педагогическом институте, затем – в Каракольском университете.

«Школьные годы чудесные, с дружбою, с книгою, с песнею, как они быстро летят! Их не воротить назад». Это слова известной песни 50–60х годов. И казалось бы, что было особенного в них, но они по-прежнему нам дороги и близки.

Первые выезды за пределы города Пржевальска у меня были после 5 и 7 классов, когда за отличную учёбу летом с группой школьников мы ездили в город Алма-Ату и город Ташкент, тогда я увидел красоту этих городов. Город Фрунзе был для меня большим и необычным. Это были большие синие троллейбусы, на углах на железных столбах висели круглые большие часы «Терек», а ещё было много цветов и зелёных деревьев. В городе Пржевальске были два знаменитых здания – это мусульманская мечеть и православная христианская церковь. Эти два изумительных древних сооружения создавали лицо города, да и сейчас привлекательны для туристов. Однако воинствующий атеизм, насаждаемый в пятидесятых и шестидесятых годах, сделал своё дело. Местные власти не без согласия высших органов сделали в православной церкви спортивную школу, которая просуществовала немного лет, но оставила непоправимый след в сознании людей и на внешнем облике здания. И уже почти нет той достопримечательности, что привлекает туристов.

В старших классах появились среди девочек и парней какие-то новые отношения, их часто называют первой любовью. Девушки, я думаю, росли быстрее, поэтому дружили с парнями из других школ. А мальчишки, наверное, многого ещё не понимали, поэтому на вечерах или встречах мальчишки провожали хором каждую девушку до дома. Будучи взрослыми, вспоминая это, мы смеялись над нашей юношеской непосредственностью. У некоторых одноклассников были более серьезные отношения, но они как правило держались в секрете. В 10-м классе ко мне обратилась мать нашего одноклассника Лёни Коновалова, которая просила помочь подготовиться ему к выпускным экзаменам. Я не помню, как я помог ему, но запомнились её слова как пророческие: «Имиль, я думаю, ты будешь профессором, учёным». И её добрые слова сбылись.

В памяти осталась одна поездка с отцом на заготовку сена для колхоза в село Липенку, там рядом был курорт Кой-Сары. Такая

помощь была от организаций, школ, предприятий сельскому хозяйству обязательной. Во время завтрака, обеда и ужина было очень много белого домашнего хлеба, сливочного и топленного масла, мёда и, конечно, обильной пищи с мясом. После работы – купание в озере Иссык-Куль. Такой чистой воды и золотого песка я, кажется, больше не видел нигде. Затем курорт Кой-Сары закрыли, а это место стало военным полигоном для испытания торпед.

Конечно, в истории страны было много ярких, запоминающихся на всю жизнь, событий: первый спутник, первый космонавт – Юрий Гагарин. Может быть мы, находясь в глубинке, не очень понимали смысл и масштаб этих свершений, но знали, что это важно и нужно для СССР. Наступил 1962 год – год окончания школы и получения аттестата. Выпускной класс был у нас небольшой – всего 15 человек.

Глядя на фото последнего звонка, на своих одноклассников, вспоминаешь песню А. Пахмутовой «Как молоды мы были, как искренне любили». Со многими мы уже встретились много лет позже, но остались добрые воспоминания: это Коля Кудрявцев, Василий Лобов, Валера Борисков, Галя Молочкова, Таня Навалихина, Лида Кораблева, Зоя Марц, Лёня Коновалов. Трое выпускников получили серебряные медали: Коля Кудрявцев, Даир Чубаров и я. Думаю, что мы оправдали эти награды. В последующем жизнь подтвердила это. Так, с Даиром Чубаровым мы шли по жизни вместе, сохранив нашу дружбу и во взрослой жизни.

Выпускной вечер был у нас скромный, с учителями, родителями. Хороший ужин приготовила и организовала мать Даира – Саламат-апа. Когда мы шли на вечер, на память приходили слова песни из кинофильма «Разные судьбы»: «Ты надела праздничное платьице, В нём ты стала взрослою вполне. Лишь вчера была ты одноклассницей, А сегодня кем ты станешь мне?». Школьная дружба, любовь объединили Валю Подлеснову и Сашку Савельева. После вечера мать Даира и моя мать забрали нас домой, но многие одноклассники ходили в горы встречать рассвет. Через несколько дней я уехал сдавать экзамен во Фрунзенский политехнический институт.

Вот так мы расстались с городом Пржевальском, и я бывал в нём на каникулах или других кратковременных поездках, пока жили в нём родители. Город за многие годы преобразился, стал более современным, трудные годы перестройки, последующие годы независимости сделали старые красивые места менее привлекательными. Так, въезд с северной стороны в город Пржевальск, это улица Портовая, украшением которой и своеобразной визиткой города были серебристые тополя, но потом, по воле одного не очень умного губернатора, их убрали, и город Пржевальск потерял свою визитную карточку. Многие из современных губернаторов тоже мало что полезного сделали, чтобы Пржевальск, а ныне Каракол, стал более красивым и привлекательным для туристов и жителей. Сейчас, в 2020 годы, город улучшается, появились туристические маршруты, завоевали популярность во всём мире горнолыжные базы Каракола.

После окончания школы и выпускного вечера меня уже ничто не удерживало в городе Пржевальске, впереди уже маячили новые горизонты в жизни молодого человека. Мой выбор пал на Фрунзенский политехнический институт (ФПИ), один из самых популярных институтов в этот период. В эти годы получение инженерной специальности было почётным и престижным. Стране требовались специалисты разных профилей и распределение выпускников было от северных широт и до южных границ, а на западе – от Украины и Беларуси и до Владивостока и Тихого океана.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Через два дня после окончания школы я приехал в город Фрунзе. Остановился я у сестры отца – Айжаркын-эже. У неё была двухкомнатная квартира возле железной дороги по улице 40 лет Октября (ныне Исанова). Пожив неделю, я перебрался со своим небольшим багажом к сестре Розе. Она в это время жила в частном доме вместе с мужем Сарпеком по улице Тоголока Молдо. В это время Роза работала мастером на Фрунзенском мясокомбинате, а Сарпек-жезде учился в аспирантуре Горного института Академии наук Кыргызской Республики. Здесь же жил брат Сарпека-жезде – Жениш, который работал на Фрунзенском заводе сельхозмашиностроения и собирался поступать в медицинский институт. Мы долго выбирали мне специальность, поскольку моё понимание об энергетике и специальностях в этой области было очень минимальным. И я благодарен Сарпеку-жезде, что он внимательно и серьёзно подошёл к выбору специальности, которая называлась «Электропривод и автоматизация производственных процессов». Мы начали подготовку к вступительным экзаменам. Вместе с Женишем уходили в сквер Тоголока Молдо и до вечера что-то читали, что-то учили до начала вступительных экзаменов. Чем запомнился этот период, это избытком мясных продуктов в доме. Особенно вкусным был борщ, который готовил Сарпек-жезде из бараньих хвостов «чычан», которые приносила Роза, покупая их в ларьке мясокомбината. Быстро пролетело время и наступила пора экзаменов, первым из абитуриентов провалил экзамены Жениш. Он не поступил в Медицинский институт. Я сдал все экзамены, но не прошёл по конкурсу. И здесь мне помогла Айжаркын-эже, которая спросила совета у своего соседа М. Рудакова, работника Министерства просвещения Киргизии, а он порекомендовал поехать учиться в Ташкентский политехнический институт (ТашПИ) по специальности «Горная электромеханика», которая близка к энергетике, но работать надо было на горных предприятиях. Выбора больше не было, и я поехал учиться в Ташкент.

Приехав в Ташкент, я поселился в общежитии ТашПИ, рядом был стадион «Пахтакор» и знаменитая столовая на красивей-

шем, протянувшись на много километров, канале Анхор. Здесь я встретил своего нового друга по жизни – Бекена Касымалиева. Оказалось, что он тоже был из Пржевальска, только учился в школе имени Ленина. Мы с ним быстро подружились, и, как оказалось, на всю жизнь. В будущем у Бекена появилась супруга Алтынай и дети Эмиль, Данияр, Айсулуу и Айнура. Месяц, который мы прожили в Ташкенте, произвёл на меня неизгладимое впечатление. В первую очередь это была столовая «Анхор», где готовили прекрасные самсы, лагман, маставу, плов. Эти посещения доставляли истинное наслаждение, здесь мы впервые поняли, что такое зелёный чай и тандырные лепёшки. И самое главное, что всё это было дёшево, а значит, удобно для студенческого бюджета.

Мой новый друг был большим любителем футбола и сам был футболистом, играя за сборную школы имени Ленина. Мои первые походы на игры на стадион команды «Пахтакор», которая играла в первой лиге, позволили увидеть лучших футболистов СССР, которых хорошо знал Бекен. Реальные живые идолы фанатов. Их красивая игра на всю жизнь пристрастила меня к этому виду спорта. Это были лучшие игроки «Пахтакора»: Геннадий Красницкий, Берадор Абдураимов, братья Тазетдиновы и другие. Запомнилась игра между «Пахтакором» и московским клубом «ЦСКА». Огромный переполненный стадион на 50 000 человек, постоянный рёв и свист болельщиков, это было нечто!

Первые лекции и начало студенческой жизни. Через месяц нас отправили на уборку хлопка. С Болотом, который учился в Ташкентском текстильном институте, мы встретились раза два, он был занят, обучаясь на пятом курсе. Он помог нам, достал где-то у солдат две фуфайки, с этим мы и поехали на хлопок, который видели впервые. Нас поселили в каком-то амбаре, огромная площадь была занята сколоченными нарами, на которых мы спали. Из общежития нам дали старые одеяла, наволочки, и мешки, которые мы набили соломой и спали на них.

Вставали очень рано, кормили нас плохо. Утром был чай из «титана» и чёрный хлеб, а сахар и масло надо было покупать в магазине, если были деньги. Здесь мы познакомились с ещё од-

ним однокурсником из Фрунзе, Рустамом Ахмеровым, отец которого работал в Госплане. Родители у Бекена были пенсионерами. Здесь мы впервые поняли, что такое сбор хлопка и его выращивание в Узбекистане. Его сажали, где могли. Уборка была машинная, а мы должны были собирать остатки, если они оставались после машины. Норма была не менее 30 кг за день, если не собирали, то утром на линейке объявляли предупреждение и обещали отчислить. Мы этого очень боялись. Однажды в день рождения Бекена, 10 октября, он объявил, что отдыхает и до обеда собрал 5–7 кг хлопка. Когда он принёс его на хирман (место сбора хлопка), после взвешивания преподаватель предупредил его, если он не соберет 30 кг до вечера, то его отчислят несмотря на день рождения. После обеда мы втроем начали собирать хлопок каждый себе и помогать Бекену и к вечеру кое-как выполнили норму, а на следующий день 11 октября у меня был день рождения, но об этом уже никто не вспоминал.

Обед и ужин были всегда предельно скромные. Через 10 дней нам впервые дали деньги за работу, это было два–три рубля, на которые мы купили сахар и первый раз утром пили чай с сахаром и маслом, один раз. Когда мы собирали хлопок, то после нас земля блестела, как полированный пол, подбирали все, что лежало на земле. Вспоминая эти дни, я потом уже понял, что такое показательный сбор хлопка без учёта реальных возможностей, что привело Узбекистан к большой трагедии, очковтирательству, коррупции, а в 1982–1983 годах привело к так называемому «Хлопковому делу».

Когда мы собирали хлопок в 1962 году, план сбора был около 4 000 000 тонн для Узбекистана, а в 1983 году план был уже в 6 500 000 тонн, хотя свободных площадей уже не было и в 1962 году, и реально невозможно было собрать столько хлопка. В конечном итоге, первый секретарь Узбекистана Ш.Р. Рашидов в 1983 году покончил жизнь самоубийством, а многие руководители поплатились своими должностями. Вот такая была цена обмана высшей партийной номенклатуры как в Узбекистане, так и в Москве. Борьба за хлопок – это была большая беда и ошибка генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, который при-

шёл на смену Н.С. Хрущёву. В 1964 году эти и другие ошибки привели страну к так называемому «застою», хотя с приходом Брежнева в начальные годы было много сделано для исправления ошибок в стране после Н. С. Хрущёва. Серьёзной ошибкой и трагедией в погоне за производством хлопка было освоение новых земель для хлопка, поворот большой реки Сыр-Дарьи для полива новых земель. Аральское море, которое питалось этой водой, быстро обмелело и превратилось в солёное озеро. Огромная территория вокруг Аральского моря превратилась в пустыню с «солёными ветрами», которые и сейчас наносят большой ущерб соседним республикам Центральной Азии.

Но вернёмся к нашим земным делам. Мы хлопок собирали почти до 7 ноября, а перед праздником нас привезли в Ташкент, где провели дезобработку, а затем поселили в общежитии. Не прошло и недели после нашего приезда в Ташкент, как нам объявили, что нас и наш горный факультет переводят в город Алмалык Ташкентской области в 60 км от Ташкента, где располагался крупный Алтын-Топканский горно-металлургический комбинат, где добывали медь и свинец. Это были «реформы» Н. С. Хрущева, когда студенты дневного отделения должны были полтора года работать на производстве, а вечером учиться. Ничего хорошего от этой реформы страна и студенты не получили, только затянули учебный процесс. Впоследствии эти нововведения были отменены. По приезде в Алмалык нас поселили в общежитие по 3–5 человек, мы с Бекеном и Рустамом поселились в одной комнате. Мы впервые пришли в институт, который был раньше филиалом ТашПИ, нам рассказали, кто где будет работать, а вечером учиться. Мы с Бекеном попали на рудник Кальмакир, где добывали медную руду. Меня отправили в бригаду, которая тянула контактную сеть для электровозов, а Бекена отправили в бригаду линейщиков, то есть они тянули трёхфазную сеть для экскаваторов и буровых станков. Вначале мы должны были три месяца работать учениками, а потом нам должны были присвоить разряд. Часть ребят работала на медеплавильном заводе, часть была на других объектах комбината.

Ташкентский политехнический институт, 1 курс, горные электромеханики. 1962 г.

Фрунзенский политехнический институт, 3 курс, специальность «Электропривод и автоматизация промышленных установок». 1964 г.

Так начинались наши трудовые будни и учёба в университете. Кушать мы готовили дома, и частенько питались в столовой, но в воскресенье ходили в чайхану на плов. Работать и учиться было нелегко, но мы терпели. В группе у нас было много бывших военнослужащих. Староста группы был украинец – Тимофей Пареха. Это был умный, толковый человек, который не давал в обиду молодёжь. Работать и учиться было трудно, но необходимо, так как мы понимали, что наше будущее связано с получением инженерной специальности. Работа на руднике нас закалила, но было иногда и обидно.

Так мы все работали учениками электрослесарей, а через три месяца нашим ребятам всем присвоили третий рабочий разряд, и они стали получать вместо 40 рублей по 70 рублей, но только мне не присвоили разряд. Я обратился по этому вопросу к главному энергетнику рудника Крыжевичу. Он меня выслушал и сказал, что меня вообще нельзя было принимать на рудник, так как мне ещё не исполнилось 17 лет, а если буду жаловаться, то вообще уволит с рудника. И так только ещё через три месяца мне присвоили третий разряд, и я стал получать 70 рублей. Это была большая радость. Один раз к нам в город приехал Булат, старший брат из Ташкента, который был на пятом курсе текстильного института и заканчивал его. Мы с Бекеном повели его в ресторан «Бахор», который был недалеко от нашего общежития. На следующий день он уехал, а мы с Бекеном дали ему 50 руб., он очень обрадовался и поблагодарил нас. У него была стипендия 22 рублей, так как их институт относился к легкой промышленности, а в других технических вузах стипендия была 45 рублей.

Работали мы на руднике коллективной бригадой, в которой было шесть человек: бригадир Гена Краснов, студент шестого курса, ещё были шестикурсник Гена, кореец, крымский татарин, казах Сапарбек и я. Работая здесь, я впервые увидел, что никогда нельзя нарушать «Правила техники безопасности». Однажды, когда мы работали далеко на отвалах и нам надо было вернуться и подключить вновь построенную электролинию для электропроводов к центральной сети, бригадир остановил мотодрезину в неподходящем месте рядом с центральным разъединителем. Бригадир

пошёл отключать на время центральную линию, и в это время наш член бригады Гена, студент 6 курса, никому ничего не сказав, залез наверх, чтобы выдвинуть площадку и был поражён электрическим током, а напряжение было 1000 вольт постоянного тока. Это была мгновенная смерть. Хорошо, что бригадир увидел это и приказал отъехать мотодрезине, это спасло других членов бригады от неприятностей. А Гену не спасла и скорая помощь, которая быстро приехала. А ведь Гена был студентом шестого курса, женат, двое детей. На следующий день нам, членам бригады, пришлось копать могилу и хоронить его. Это был тяжёлый и суровый урок для нас. К сожалению, был ещё один случай, когда наш однокурсник Гулом Сатывалдиев по ошибке, работая с электрическим контактором на медном комбинате, замкнул контакты и получил сильный ожог лица и рук электрической дугой. Потом он долго лечился, но следы у него остались на всю жизнь.

Работа на руднике была тяжелой, так как мы работали на открытом воздухе: зимой было холодно, снег, а осенью дожди, летом жара 45–50°, в карьере кругом были камни, руда, спрятаться некуда было. За полтора года практики я заработал гипертонию на всю жизнь. Учёба мне как-то давалась достаточно легко, и я на сессии получал оценки 4 и 5. У нас были замечательные педагоги. Особенно в памяти осталась преподаватель математики Н. Абдрахманова. Это была высокая, стройная белолицая женщина узбечка. Она носила свои волосы, укладывая их венчиком, а когда распускала их в виде двух кос, то они достигали земли. Она очень хорошо объясняла и строго требовала, не давая поблажки, но никто на неё не обижался, если ставила двойки. И в конечном итоге все сдавали. Мне она ставила отличные оценки, но вот Гулому Сатывалдиеву часто ставила двойки, но он был доволен, что может увидеть её часто, так как был влюблён в неё, но она была взрослой замужней женщиной, имела двоих детей. Конечно, она не отвечала ему взаимностью. В итоге он получил положительные оценки и продолжил учёбу. Вот так прошли полтора года практики и учёбы.

После первого года обучения, осенью 1963 г., моего друга Бекена забрали в ряды Советской Армии. Я перешёл жить в другую

комнату, где было пять человек. Ребята были хорошие, дружные. В памяти остались Толик Водолазов, Лёша Пономарёв, ещё двое: Саша Манков по прозвищу «Малый» и Валера Соловьев по прозвищу «Большой», их так называли. Вечером и утром скидывались на ужин и завтрак. В основном это были чай, колбаса, сахар, хлеб, иногда варили борщ.

Во время учёбы в Алмалыке запомнился такой случай. На летней сессии, после второго курса, ко мне обратилась жена нашего однокурсника Василия Паулюса – Люда. Василий был эмоциональный и толковый парень, который окончил горный техникум, отслужил в армии и женился после первого курса. И вот у него возникли проблемы с курсовой работой по теоретической механике, ещё и повздорил с преподавателем. Он несколько раз ходил к нему, но преподаватель как-то резко ответил, что ему трудно будет сдать этот предмет. Он пришел к жене и сказал ей, что бросает институт. Человек он был гордый, и поэтому жена его обратилась ко мне. У меня в группе были достаточно хорошие отношения со всеми «стариками», которые были после армии и с «молодыми», моими ровесниками. Поскольку Василий жил с женой на квартире, мы поехали к нему. Два дня мы вместе сидели, но сделали курсовую работу. На следующий день он пошёл сдавать. Очень волновался, но всё сложилось удачно, он защитил курсовую работу, сдал экзамен и получил хорошую оценку. Вечером жена накрыла хороший стол и угостила нас вкусными котлетами. Василий успешно окончил институт и работал главным инженером рудника. В 1975 году он встретил в Ташкенте в универмаге моего друга Бекена, а с ним были два доктора технических наук В. Манжосов и С. Абдраимов, которые были в командировке в Узбекистане. Василий был с женой и, невзирая на протесты, он всех повёз к себе в город Алмалык, там он их здорово угостил. На следующий день пригласил их староста Т. Пареха, который по окончании учебы остался в Алмалыке, затем встретил однокурсник В. Капранов. Об этом рассказали мне потом Бекен, С. Абдраимов. Вот такая была благодарность за вовремя оказанную помощь.

После первого года обучения я получил отпуск и решил поехать в город Пржевальск. Этот период совпал с окончанием института Булатом. В июне 1963 г. состоялась защита его диплома. Я приехал на защиту и наша мать. Булат блестяще защитил дипломный проект и получил оценку «отлично». Я вышел в коридор и стал смотреть в окно. Кто-то вдруг стукнул меня по спине и закричал: «Булка» (так звали однокурсники Булата). Я повернулся и увидел парня. Он, увидев меня, извинился и сказал, что обознался. Так ещё несколько человек поздравили меня вместо Булата. Когда он вышел, я сказал ему, что часть поздравлений я уже принял. Вечером мы праздновали защиту Булата втроем в ресторане «Ташкент» на площади «Навои» возле Театра оперы и балета. Через день мы с матерью уехали в город Фрунзе, а затем – в Пржевальск. Булат приехал через неделю, получив диплом и направление на Кыргызский камвольно-суконный комбинат.

В Пржевальске, после годичного отсутствия, мне было всё интересно: прогулки по городу, в парке, встреча с Колей Кудрявцевым, домашняя пища. Через месяц я уехал в Алмалык на работу. Отпуск закончился, начались трудовые будни, и с 1 сентября началась учёба в институте. В январе закончилась практика, после зимних каникул я получил четвёртый разряд электрослесаря, уволился. Также поступили и другие наши однокурсники, и с 1 февраля мы начали обучаться по дневной форме.

Это было для нас немного необычно: утром мы шли в институт, а вечером у нас была уйма свободного времени, но это так казалось в начале, затем учёба нас полностью поглотила. Быстро пробежали полгода, наступила летняя сессия, после которой мы должны были ехать на практику в город Донецк. Всё было нормально, сессию я успешно сдавал, но перед последним экзаменом по химии я не спал трое суток. В комнате была нестерпимая жара, простыни, которые мы мочили, чтобы уснуть, высыхали через пять минут. Я не смог подготовиться к экзамену и поэтому пошёл к врачу. Врач установил, что у меня гипертония, дал какие-то таблетки, я вечером уснул, а утром мне стало легче. На экзамене по химии я поспорил с преподавателем и сказал, что готов отвечать без подготовки. Неожиданно для меня она сказала:

«Иди, отвечай». Мне пришлось напрячься, я ответил почти всё, но преподаватель поставила мне оценку «хорошо». После этого я уже на протяжении всей учёбы в институте таких опрометчивых шагов и заявлений больше не делал.

Сдав экзамены, мы начали собираться на практику в город Донецк (Донбасс, Украинская ССР). Доехать мы могли только через Москву. Билетов на поезд Москва–Ташкент не было. Тогда наши старшекурсники Т. Пареха, В. Водолазов, походив по вокзалу в Ташкенте, сказали, что есть вариант ехать до города Куйбышева (ныне Самара), затем добираться до Москвы. Мы «загорали» в Ташкенте уже часов шесть – семь и никаких надежд, поэтому мы согласились на такую поездку. Поезд тогда шёл до Москвы трое суток. И так мы поехали до Куйбышева. Через двое суток мы были в Куйбышеве. Нас было семь человек. Мы гуляли по городу, любовались Волгой, искупались в ней, вечером пошли в цирк «Дурова», который был на гастролях в это время, увидели памятник В. Чапаеву, герою Гражданской войны. Поздно вечером пришли в гостиницу, но там мест не было, но наши вездесущие Т. Пареха и Т. Водолазов договорились на одну ночь переночевать в гостинице всем в одной комнате.

На следующий день мы уже ехали в вагоне с плацкартными местами в Москву. В Москве наш поезд был через день. Немного погуляв по Москве, мы поехали к нашим бывшим однокурсникам (Бекен Касымалиев, Володя Юдин), которые служили под Москвой, в городе Электросталь. Это было в 50–60 км от Москвы. Мы на электричке вечером доехали до воинской части. Наши старшие товарищи Т. Пареха и Т. Водолазов пошли к начальству и попросили отпустить их в увольнение. Бекена сразу отпустили, а вот Володю Юдина – нет, так как у него был конфликт с сержантом. Через некоторое время вопрос был улажен. Мы пошли гулять по городу, зашли в парк, накормили ребят. Они были очень довольны неожиданным нашим визитом. В парке мы встретили того сержанта, который обижал Володю. Ребята его угостили так, что он с трудом пришел в часть. После этого до конца службы у Володи проблем не было.

Часов в 11 вечера мы проводили ребят в часть, дали каждому по 25 рублей и вернулись в Москву. Ребята были очень довольны и благодарны нам за приезд. Приехав в Москву, мы пошли искать место в гостинице, чтобы переночевать. Это были известные гостиницы «Заря», «Восток», «Алтай» на ВДНХ, но мест как всегда не было. Однако наши боевые товарищи, Т. Пареха и Т. Водолазов, где-то договорились на одну ночь переспать в одной комнате всем. Рано утром нас разбудили, и мы освободили комнату.

После обеда мы пришли на вокзал, а затем сели в поезд и поехали в Донецк. По дороге мы ели картошку с маслом и солёными огурцами на листе лопуха, которые продавали на станциях бабушки. Через день мы приехали в трест «Рутченковуголь», где нас оформили всех на разные шахты. Мы только с Сашей Манковым попали на одну шахту. Здесь также оформились раньше нас приехавшие В. Капранов и Г. Ли. На этом наша связь со старшими однокурсниками практически оборвалась. На шахте нам прочитали правила техники безопасности, назвали смену, где мы должны были работать, дали место в общежитии.

На следующий день мы приступили к работе. Нас приняли учениками электрослесарей на полтора месяца. Шахты Донбасса – это очень старые инженерные сооружения, разработка их началась ещё во времена Екатерины II. Здесь добывался очень дорогой и необходимый для металлургии уголь «антрацит». Наша шахта располагалась на глубине 1200 м. В первый день, придя на смену в 7 утра, я познакомился с моим наставником, он был почти моим ровесником, но имел четвёртый разряд, так что с ним мы быстро нашли общий язык. Он повел меня в комнату, где я оделся в шахтёрскую одежду, куртку, ботинки, затем нам выдали шахтёрскую каску, лампу с аккумулятором и спасатель, который предназначен на тот случай, если вдруг обнаружится газ (метан). Затем мы зашли в диспетчерскую, где нам определили задание, после чего в здание, в котором находился вход в шахту, так называемый ствол шахты. Это была вертикальная штольня, где находилась пассажирская клеть (лифт), в которой мы большой группой 15–20 человек стали спускаться с поверхности земли в шахту. Спускались, как мне показалось, долго, минут 7–10. Затем мы

сели в небольшие вагончики (их называют кареты), и поехали на свои рабочие места. Наша лава, место работы, то есть добычи угля, находилась под землей в 5–6 км от ствола шахты. Доехав до места по горизонтальному штреку, электровоз оставил нас и поехал дальше, а мы спустились с бригадой шахтёров по наклонному штреку до другого откаточного горизонтального штрека, где находилась лава добывался уголь.

Уголь добывали отбойными молотками и взрывали динамитом. Там, где мы работали, толщина угольного пласта была 60–70 см. Так, мы впервые увидели и познакомились с тяжёлым трудом шахтёров. Работали шахтёры в три смены, то есть круглосуточно, рабочий день был 6 часов, но это было чистое время, когда придя в забой, шахтёр брал лопату или отбойный молоток. На самом деле сюда не входило время, пока добирались от центрального шахтного ствола, подъём и опускание в шахтной клетке. Сдача и получение спасателя и аккумулятора с лампочкой, купание после нахождения в забое, шахтная пыль везде проникала, утренняя диспетчерская, время пока добирался до общежития, это было дополнительно 3–4 часа.

В этот период прошла ещё одна хрущёвская реформа, когда практически зарплата шахтёра была приравнена к зарплате рабочих на поверхности 170–180 рублей. Шахтёры были этим очень недовольны и в забое ругали и материли руководство страны. Работа под землёй была очень опасной. Однажды у нас в забое начал оседать верхний пласт земли, при этом был треск основных стоек, которые подпирали «крышу» забоя. Мы начали убегать из забоя, но потом треск прекратился, то есть «крыша» перестала оседать. Мы поднялись на поверхность, переделались. На следующее утро в диспетчерской начальник участка сказал, что нужно 3–4 добровольца, чтобы произвести перекрепление стоек за дополнительные деньги. Такие люди нашлись, и через день мы опять работали в забое.

Вот так мы познакомились с трудом шахтёров. Быстро прошли полтора месяца, мы выходили в город, гуляли по Донецку. Это был красивый город, только вокруг были огромные горы – терриконы: это была пустая порода, выбранная за много лет. Ели в го-

роде, в кафе, настоящий украинский борщ, даже были в театре оперетты. В середине августа мы написали заявление об увольнении.

В день отъезда я работал в ночную смену и решил уйти на 1 час раньше, мне казалось, что я легко найду дорогу к центральный штольне и клетки (лифту), мне объяснили, что надо идти по рельсам, по которым катились вагонетки с углем и без угля. Я отпросился у бригадира и смело пошёл в путь. В один момент у меня забарахлил аккумулятор и погас свет на моей шахтёрской каске. Наступила крошечная тьма. Стало очень страшно, когда вспомнил, какая толщина земли надо мной, а я такой маленький, как песчинка. Затем лампочка включилась, и я пошёл дальше, в один момент из-под ног покотился белый клубок, я присмотрелся, это была белая крыса. Потом она куда-то исчезла. Примерно через час я добрался до клетки, поднялся на поверхность земли.

Было ясное летнее утро, и жизнь показалась мне такой прекрасной. Я пошёл в шахтоуправление, получил зарплату, после обеда поехал на вокзал с моим однокурсником Сашей Манковым. Мы поехали вместе в Москву, а затем – во Фрунзе. На всю жизнь мне запомнился ужин в столовой общежития шахты в 2 часа ночи. Это были котлеты или колбаса с хлебом и помидором. Вкуснее этой пищи, казалось, я никогда ничего не ел.

В поезде мы с Сашей договорились, что будем находиться в Москве две ночи, затем поедem поездом во Фрунзе. Мы уже знали, что гостиницы мы не найдём, поэтому решили ночевать на вокзале. Приехав в Москву рано утром, поехали на Казанский вокзал, купили билеты во Фрунзе на поезд. Небольшие наши вещи мы положили в автоматические камеры хранения. Нам было удобно, если мы покупали какие-то вещи, то приезжали в эти камеры, открывали, клали покупки и снова закрывали. Москва была для нас прекрасной столицей. Нас радовали большие дома, метро, бесплатные концерты артистов эстрады и кино в «Парке культуры» и отдыха имени М. Горького и др.

Но больше всего запомнился матч на стадионе «Динамо», когда играли «Динамо Москва» и «Динамо Тбилиси». Саша был большой любитель футбола, и сам прилично играл за сборную

рудника Кальмакир, был заядлым шахматистом. На этом матче мы увидели легендарных игроков сборной СССР: Льва Яшина, С. Котрикадзе, С. Метревели, М. Месхи, И. Численко и многих других. Вечером поздно мы возвращались на вокзал, находили две деревянные скамейки в зале пригородных поездов и спали до 5 утра, когда нас будили уборщицы, которые убирали зал. Рядом с нами спали цыгане и другой разнообразный народ.

Встав рано утром, мы решили посетить Мавзолей Ленина. Когда мы приехали, чтобы встать в очередь в Мавзолей, там уже была огромная толпа, и мы с трудом прошли в зону, где стояла очередь в Александровском саду, время было 6 часов утра. В Мавзолей мы попали в 12 часов дня. Это было, пожалуй, самое крупное мероприятие для нас, так как попасть в Мавзолей Ленина было очень трудно.

Через два дня мы сели в поезд после обеда и поехали во Фрунзе, где были через трое суток. Здесь мы расстались с Сашей. Я поехал к сестре Розе. Они в это время получили двухкомнатную квартиру по адресу: улица Ярославская, 110 А. Это было недалеко от аэропорта (сейчас старый аэропорт), а совсем рядом располагался только что построенный Фрунзенский политехнический институт. Я давно хотел перевестись в ФПИ, на энергофак. Я попросил помочь мне Айжаркын-эже, сестру моего отца. Мы с ней пошли в Министерство просвещения КР, там меня немного помучили, не давая разрешение перевестись в ФПИ, но у меня была медицинская справка о том, что у меня гипертония. Получив письмо из министерства, согласие ректора ФПИ Г. А. Сухомлинова, я вечером сел в автобус, который шел в Ташкент. Билетов не было, но водитель взял меня с условием, что я буду лежать на капоте автобуса. Это был большой автобус «Икарус» и мне пришлось лежать сзади, где очень трудно было спать, так как стоял сильный запах от выхлопных газов. Так пришлось терпеть всю ночь, утром я поехал в Алмалык, забрал свои вещи, написал заявление о переводе в деканате, затем приехал в Ташкент, к ректору ТашПИ. Мне повезло, потому что мне быстро оформили перевод, дали документы, и я вечером уехал из Ташкента.

Мне повезло с билетом и местом. Уезжая из Алмалыка, Ташкента я с благодарностью вспоминал годы, проведённые в Узбекистане.

Учёба во Фрунзенском политехническом институте (ФПИ) началась с проблемы. У меня оказалась разница в изучаемых предметах. Это как правило бывает практически у всех студентов при переводе. И если раньше учебные планы были более универсальны, разница была 2–5 предметов, то в настоящее время (2020 год) она может составлять до 12–15 предметов. Сдать бывает их очень трудно, а практически без поддержки – нереально. У меня разница была два предмета: теоретическая механика и сопромат. Декан энергетического факультета Голубков предупредил меня, если в течение месяца я не сдам, то буду отчислен. Мне повезло, в группе, в которую я был зачислен, начиналась учёба с 1 октября. С большим трудом я сдал эти два предмета: теоретическая механика на пять, а сопромат на четыре.

Когда начались занятия, я увидел в группе своих товарищей из Алмалыка: Р. Ахмерова и В. Мальнева. Я думаю, что мне повезло с переводом, так как я попал в группу производственников и отслуживших в армии. Это был ещё один эксперимент в высшей школе, поэтому в группе были свободные места после окончания первого курса. Специальность, на которую я подавал при поступлении – «Электропривод и автоматизация производственных установок» ЭАПУ). В группе меня встретили доброжелательно и вскоре я уже был «свой». Этому помогло проживание в общежитии, где я поселился. В комнате нас было пять человек из группы: Том Геккер, Курманкалый Мамырканов, Толик Никитин, Гарик и я. Группа и ребята из комнаты были очень дружными. С Толиком Никитиным мы дружили семьями после окончания института. Он работал в селе Бостери после окончания института, в пансионате горно-металлургического комбината. В нашей группе была только одна девушка Вика Деревцова.

Педагоги были замечательными, многие из них приехали из Москвы. Наш куратор был прекрасный педагог, специалист высшего класса, доцент, кандидат технических наук из Москвы Тихомирова Зоя Тихоновна. Я с благодарностью вспоминаю её занятия, как она привлекала меня к научной работе, помогала

с выступлениями на студенческой научно-технической конференции, передавала свой богатый жизненный опыт. Учился я с удовольствием и на старших курсах получал только отличные оценки, «висел» на Доске почёта и после защиты дипломного проекта получил диплом с отличием (красный диплом).

Наша комната была центром сбора нашей группы. Иногда, когда не было занятий, группа собиралась в комнате, и часто после занятий скидывались, покупали портвейн, скромную закуску (чаще всего, колбаса, хлеб, сырки «Дружба»). После небольшого застолья пели любимые песни под гитару: «Последний троллейбус» Б. Окуджавы, «Главное, ребята, сердцем не стареть» А. Пахмутовой и другие. На гитаре играл Том Геккер. В этой комнате часто делали курсовые проекты, готовились к экзаменам. Быстро пролетели эти годы.

После окончания второго курса мы ездили в город Пржевальск на строительство кошар. Это потом называлось стройотрядами. Многие ребята были специалистами, бригадиром был Н. Солохин, капитан-лейтенант. Жили мы и строили в селе Михайловка в 10 километрах от города Каракола. Полевой стан, где строили, был в 5–6 км от села. Вставали рано, в 6 утра. Поваром был Миша Кисельгоф, армеец, ростом 1 м 90 см. В этой поездке побывали практически все ребята. После тяжёлых бетонных работ, у нас ещё хватало сил ходить в село на танцы, невзирая на усталость. Что значит молодость!

После постройки одной кошары нас перевели на строительство новой. Это уже было в 35–40 км от г. Пржевальска, рядом уже не было сёл и не было походов по сёлам. В конце августа нас рассчитали по 200 руб. и отправили на автобусе в город Фрунзе. Но затем наши ребята Н. Солохин и Толик Кучинский добились того, что нам выдали ещё по 150 рублей. Это было здорово.

Следующая поездка на строительство зерносклада была после третьего курса. На этот раз поехали добровольно семь человек. Выбрать стройку мне помог двоюродный брат Сарпек жезде Турат. Он был начальником управления оросительных систем на Иссык-Куле. Стройка находилась в 6 км от города Балыкчи, в селе Ак-Олен. Объём работы был большой, поваром назначили меня.

Мне пришлось учиться на ходу. Нам привозили тушу барана на неделю, а холодильника не было. Я разделывал барана, мясо обжаривал в казане, клал в ведро и заливал бараньим жиром. Так что был готовый полуфабрикат. Чаще всего готовил макароны. Лапшу бросали в котёл с кипящей водой и затем каждому – по куску мяса. Суп готовился в течение одного часа. Бывало, привозили сразу по 1 фляге молока – 40 литров. Я научился делать айран, и все были довольны. По вечерам сидели у костра и пели песни. Наш однокурсник Толик Кучинский привез баян и играл на нём. Было очень весело.

Однажды произошел курьёзный случай. Бригада потребовала день отдыха. Мы решили приготовить плов. Я видел, как готовят плов, но сам ещё ни разу не готовил. Я всё сделал правильно, по технологии. В этот день все ушли с работы в 3 часа дня, хотя обычно работали до 8–9 часов вечера. Ребята искупались, и стали подстраиваться к костру, так как из казана шёл прекрасный запах плова. Настало время открыть крышку казана. Я хотел перемешать рис, но внизу оказались сгоревшие куски мяса. Ребята расстроились, но больше всего я чувствовал себя виноватым. Никто меня не ругал. Ребята положили рис в чашки, а потом кто-то сбежал в магазин за вином, после этого все расслабились и начали меня успокаивать. Толик Кучинский заиграл на баяне, и все дружно начали петь песню А. Пахмутовой о тревожной молодости: «Забота у нас такая, забота у нас простая, жила бы страна родная, и нету других забот». Пели и другие студенческие песни. Поздно вечером ребята разошлись, а утром, как обычно, был завтрак и – снова на работу. Я потом долго анализировал, почему сгорело мясо, и вспомнил, что в плов я положил мясо, которое раньше уже приготовил и обжарил (это был полуфабрикат), а затем его жарил ещё полтора часа вместе с морковью. В общем, это был суровый урок, но больше у нас не было выходных. Проработав полтора месяца, в конце августа наши ребята поехали во Фрунзе, а я – в Пржевальск, но что нас обрадовало – мы заработали по 500 рублей, а это были огромные деньги по тем временам. Все ребята остались очень довольными, а я на эти деньги справил пальто, родителям оставил немного, а остальные ушли на дальнейшую

студенческую жизнь. А жили мы все в это время практически небогато. Приходилось иногда подрабатывать.

В студенческой жизни были разные случаи, курьёзные, а иногда – смешные. Так, когда мы учились на 4 курсе, в январе пришёл ко мне в комнату мой друг, Никитин Толик, и привёл одного человека. Это был студент-заочник, который учился на 6 курсе и весной должен был защищать дипломный проект. Это был взрослый человек из г. Таш-Кумыра, который работал экскаваторщиком. Толик и пришедший товарищ попросили меня посмотреть и, если смогу, решить контрольное задание по спецпредмету. Я вначале отказался, но потом они уговорили меня. Так как полгруппы не решили это задание, а преподаватель, который был очень строг, сказал: «Пока не сделаете это задание, я вас не допущу к дипломному проектированию». Мне пришлось 3 дня поработать в библиотеке имени Чернышевского, дома и наконец я сделал это задание. Когда я хотел отдать задание Николаю-экскаваторщику, то он с собой привёл одного офицера, капитана, из своей группы и попросил меня объяснить ему решение, так как преподаватель предупредил: если не объясните решение, то я не приму у вас задание, и соответственно они не сдадут экзамен. Я подробно объяснил этому-капитану решение задачи. Это было сделано в обеденное время после занятий, после чего я ушёл к сестре Розе, которая жила недалеко от общежития. У сестры я был долго, а вечером часов в 9 я вернулся в общежитие. Двери нашей комнаты были открыты, оттуда слышались шум и голоса. Когда я зашёл в комнату, то увидел своих однокурсников и студентов-заочников из группы Николая, капитана и других. На столе стояли вино и закуска. Увидев меня, студенты-заочники стали меня обнимать, благодарили за то, что я им помог, налили мне портвейн, но я отказался, так как утром надо было идти на занятия. Чтобы не обидеть их, я пригубил вина немного, а затем они вручили мне 50 рублей. Я отказался, но Толик взял их и сказал, что они пригодятся. На следующее же утро, когда мы складывались на пропитание, он отдал мне эти деньги. Николаю я позже помог в выполнении дипломного проекта. Он защитил проект, а в знак благодарности мне прислал в город Харьков, где мы были летом

на практике, 150 рублей до востребования. Эти деньги оченьгодились мне в Москве, которую мы проезжали после практики. На них я купил, добавив еще свои деньги, подарки домой. Своим однокурсникам я также часто помогал, если они обращались, причем, без каких-либо условий.

После 4 курса мы ездили на практику в город Харьков Украинской ССР. Многие наши производственники остались на практику на своих предприятиях или в других районах Кыргызстана. На практику мы ехали через Москву, руководителем практики был Л. Теличко. В Москве нас поселили в общежитии института МЭИ, поэтому я договорился с комендантом, что на обратном пути я останюсь на 2–3 дня в общежитии. Будучи в Москве, мы посетили ВДНХ, парк им. Горького, Третьяковскую галерею, исторический музей и другие памятные места. Приехав в Харьков, мы устроились на Харьковский электромеханический завод (ХЭМЗ) для сбора материалов для диплома. Поселили нас в общежитие завода «Гигант». Проблем с практикой не было, так как мы не работали, но зато мы увидели огромный машиностроительный завод, и нас поразил карусельный станок. Диаметр его план-шайбы был 15 метров, предназначался он для обработки турбин.

Через месяц наша практика окончилась, и мы поехали домой. Харьков – красивый и большой город. Он запомнился мне изобилием яблок, винных погребок с хорошими винами. А в столовой, где мы обедали, продавался прекрасный портвейн, который был разлит, как компот, в стаканы, а на стойках стояли трехлитровые банки с портвейном, и на обед было грех не выпить стакан портвейна под великолепный украинский борщ. Что удивительно, я не видел в городе пьяных людей. Окончив практику, я стал собираться домой через Москву. В этот раз у меня не было попутчиков, но не было и проблем с жильём. Вспоминая сейчас наши вузовские практики с выездом на передовые предприятия страны, я думаю, что это была нужная и полезная программа в учебном процессе студентов. Мы видели новые технологии, новое оборудование, которое определяло уровень технического оснащения и состояния той специальности, которой мы обучались. Практика давала возможность знакомиться с новыми городами, людьми, что по-

могало улучшать взаимоотношения между разными народами СССР. В общем, это было нужное и полезное дело в подготовке специалистов, которое мы утратили с распадом СССР.

Приехав в Москву после Харькова, я устроился в общежитие, о котором ранее договорился. В Москве я пробыл три дня, а на четвертый день уехал. Незаметно прошли эти дни, я много ходил по Москве, был в музеях, театрах, посещал вечерами парк им. Горького, где были бесплатные концерты известных артистов. В этот раз я купил достаточно много подарков для родных, сестре Римме, Розе, хороший модный костюм для брата Булата, который ему очень подошёл и понравился. Были и другие подарки. Но я и себя не обидел, купил кое-что. Впервые здесь я побывал на стадионе в Лужниках. А рядом была большая ярмарка, где я купил себе подарки. Везде было очень интересно, а главное – безопасно, хотя я и был один.

Через три дня я уехал во Фрунзе на поезде, предварительно купив продукты в Москве, а в поезде я пил только чай. Через трое суток я уже был во Фрунзе, а потом поехал в Пржевальск, к родителям. Через некоторое время я вернулся во Фрунзе, и началась учёба на заключительном, пятом курсе. Этот год пролетел быстро и почти незаметно. Были экзамены, но в основном это была работа над дипломным проектом, темой которого была модернизация автоматической линии с использованием ленточной машины ЛА-1Ш из оборудования кыргызского камвольно-суконного комбината (ККСК). Тему мою поддержал мой руководитель Л. Теличко. Я тогда ещё не знал, что мои бывшие преподаватели станут коллегами по работе. Машину я эту заметил на ККСК, когда был на преддипломной практике после приезда из Харькова.

Мой брат Булат на ККСК работал начальником цеха в центральных ремонтных мастерских (ЦРМ). Он помог мне устроиться в бригаду дежурным электриком на полтора месяца. Всё было хорошо, но однажды, когда мы дежурили в ночную смену, на отделочном производстве рано утром сломалась отделочная машина по вине электриков. Мы с напарником пытались её отремонтировать, но у нас ничего не получалось. Это был понедельник. А рано утром, с 7 часов, директор комбината А. Я. Яковлев делал,

как обычно по понедельникам, обход со своей свитой. Отделочное производство стояло последним во всей цепочке получения шерстяных тканей. Придя в цех, он увидел, что в цеху стоит тишина. Он спросил, в чём дело. Когда ему объяснили, что виноваты электрики, он подождал 2 минуты, а затем объявил, что лишает электриков месячной премии. После его ухода, через 5 минут заработала машина, мы нашли поломку, но премия уже «уплыла». На комбинате работало 5 тысяч человек, а Яковлев был первым директором ККСК из Москвы. Его жёсткий стиль работы позволил комбинату в короткий срок стать передовым предприятием не только в Киргизии, но и в СССР. Поэтому он сам лично каждый понедельник делал обход, ведь от готовности всех подразделений в начале недели зависела работа всего комбината. Это был умный крупный руководитель, который сделал много для текстильной промышленности Кыргызстана. Диплом я сделал точно в срок. После защиты на «отлично» дипломного проекта, я получил диплом с отличием (красный диплом). Накануне перед защитой меня вызвал зав. кафедрой ЭАПУ, декан энергофака М.Г. Поляков, который предложил мне остаться работать на кафедре ЭАПУ ассистентом. Это было для меня большой неожиданностью, и я попросил у него несколько дней на раздумье. Мои преподаватели, в будущем коллеги Л. Теличко, Л. Баскин, А. Абдукаримов сказали мне, что не надо думать, а надо оставаться на кафедре с перспективой ехать в аспирантуру МЭИ через несколько лет. Я принял это предложение и остался работать на родной кафедре. Так начиналась моя новая самостоятельная трудовая жизнь после института. Это был июнь 1968 года. Отпраздновав окончание института в кругу семьи и друзей в кафе «Ала-Арча», я уехал в Пржевальск. В эти годы Булат Акунович женился на выпускнице его родного Ташкентского текстильного института (ТашТИ), Флюре Магарифовне Бадамшиной, которая стала работать на ККСК химиком. Также в эти дни моя родная сестрёнка Римма Акуновна вышла замуж за друга Булата, выпускника Московского строительного института, Носинова Марса Умралиевича. В кафе «Ала-Арча», кроме родных, присутствовали Даир Чубаров, Мамырканов Курмангалы из Ак-Тюза.

С Курмангалы мы жили в одной комнате. Он поступил в ФПИ как производственник с Ак-Тюзского горного комбината. С ним у нас был интересный случай. После окончания 4 курса у него оставался один курсовой проект по электроснабжению. Он его не успел закончить и уехал домой. В комнате я остался один, и у меня было много свободного времени. И я закончил его проект, начертил чертежи и решил отнести показать его нашему преподавателю, который вел этот предмет, это был канд. тех. наук, доцент, директор НИИ энергетики Иван Семёнович Колосов. Его институт располагался недалеко от стадиона «Спартак», а сам он был командирован из Москвы для развития энергетики в Кыргызстане. Вечером в конце рабочего дня я пришёл к нему в кабинет, он принял меня, а я объяснил, что принёс проверить правильность выполнения проекта моего однокурсника К. Мамырканова. Он быстро посмотрел чертежи, пояснительную записку и поставил оценку «отлично». И попросил дать ему бегунок и зачётку. Я объяснил, что их у меня нет, тогда он сказал, чтобы я завтра же принёс их. Делать мне было нечего, я пошел в деканат, взял бегунок, нашёл зачетку в тумбочке и на следующий день я отнёс их И.С. Колосову. Он поставил отличную оценку, а я его поблагодарил за помощь. В конце лета приехал из дома Курмангалы, чтобы доделать курсовой проект. Но когда он увидел свою зачётку, то очень обрадовался и поблагодарил меня. Вечером в комнате был праздник – начало учебного года и успешная защита курсового проекта. Как правило, Курмангалы, приезжая из дома, всегда привозил мясо, вкусную баранину. Я один раз был у него в горах, и мне очень понравилась их местность и жайлоо, на которое мы ездили на лошадях. Через неделю мы, получив дипломы, отметили окончание института всей группой в частном доме Аламедина, у однокурсника Подшивайлова. Затем мы разъехались по своим рабочим местам и больше, к сожалению, группой не встречались.

Поздравления после защиты диплома. Римма, Булат, Имиль. 1968 г.

Курсы повышения квалификации, г. Ленинград. 1969 г.

Преподаватели кафедры электропривода и автоматизации промышленных установок. 1970 г.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Получив направление на кафедру электропривода и автоматизации производственных установок (ЭАПУ), я приступил к работе с 1 августа, потому что нужно было проконсультировать разделы дипломного проекта выпускников 5 курса, студентов-механиков машиностроительного факультета. Их было очень много, шесть групп. Почти сто пятьдесят человек. Я не помню, как, но я справился с этим заданием, а в сентябре они уже защитили свои дипломные проекты. Мне поручили вести занятия на 4 курсе у энергетиков нашей специальности, это была курсовая работа по автоматическому регулированию. Многие студенты из этой группы стали потом друзьями нашей семьи, видными государственными деятелями. Это Бакирдин Сартказиев, Кубул Мамыркулов, Доктурбек Курманалиев. Вот так начались мои трудовые будни.

В эти годы из Пржевальска переехали во Фрунзе мои двоюродные братья по материнской линии Равиль и Исхак Хасановы. Они купили частный дом недалеко от нынешнего рынка «Ак-Эммир», на улице Шопокова. В этом доме мы жили почти год: Даир Чубаров, Равиль Хасанов и я. Даир тогда окончил механико-машиностроительный факультет и уже работал на заводе «Ай-нур» инженером-механиком. Равиль работал на стройке и учился в строительном техникуме. Исхак работал на заводе физприборов, ныне «Дастан». Его супруга Лиза была врачом. Дочь Венера, и ее супруг Олег Шагивалиев. Вот так судьба связала нас с Даиром Чубаровым сначала в общежитии, в частном доме, а затем по работе на долгие годы жизни.

Проработав один год в ФПИ, я стал преподавателем, но материальное положение оставалось тяжёлым. Зарплата была 110 рублей в месяц. И самые отдалённые перспективы – возможная поездка в Москву и поступление в аспирантуру. В мае 1969 года один из моих сокурсников предложил мне пойти работать в Министерство мясной и молочной промышленности Киргизской ССР на должность старшего инженера-энергетика технического отдела. В начале я отказался, но он уговорил меня, объяснив, что у меня есть опыт практической работы, «с бумагами ты раз-

берёшься», материальное положение будет лучше, зарплата 140 рублей, возможно будет квартира. В общем, когда я перешёл на работу в министерство, меня успокоили, а потом и помогли. Это были начальник технического отдела Д. Ф. Кузнецов, главный инженер-механик Э. С. Ковалёва, инженер-механик Иван Николаевич, зам. министра И. Г. Суетов, зам. министра Д. Ч. Чокоева. Это были замечательные люди, которые помогли мне быстро понять и освоить работу управленца. По сути, я был главным энергетиком Министерства и в подчинении у меня были все главные энергетики мясокомбинатов и молокозаводов, РМЗ и ПМК. Республика в это время имела достаточно большую и развитую мясомолочную отрасль. Работая в Министерстве, я объехал с командировками всю республику, но вместе с этой работой меня попросили остаться преподавателем-почасовиком на родной кафедре ЭАПУ ФПИ. Здесь я читал лекции, вел практические занятия, руководил дипломным проектированием у студентов дневного и вечернего отделений.

В первый год после окончания института у меня дипломником был Анатолий Микитченко, впоследствии – доктор технических наук, профессор, который затем жил в России. Были у меня и другие дипломники, с вечернего энергетического факультета. С одним из них мы были ранее знакомы по городу Алмалыку УзбССР – это Алыкулов Муқанбек из города Оша. После успешной защиты я уговорил его поехать работать в город Ош на должность главного энергетика Ошского треста «Мясомолпром». Его супруга Гулипа окончила технологический факультет по специальности «Технология мясных и молочных продуктов», и её направили на работу в Ошский мясокомбинат. С Муқанбеком и его супругой Гулипой мы прошли рядом фактически всю жизнь, став семейными друзьями. В этот период энергетические специальности были очень востребованы, поэтому подготовка велась на дневном, вечернем и заочном отделениях. Потом специалисты разъезжались по всей большой стране. Муқанбек, проработав один год в тресте, перевёлся в систему Киргизглавэнерго, где много лет возглавлял Ошское предприятие электросетей (ОшПЭС). В суверенном Кыргызстане он трижды избирался депутатом Жогорку Кенеша КР,

мэром города Ош. С Муканбеком мы были одногодки, а потом нас сблизила работа и добрые семейные отношения на всю жизнь. В течение жизни я часто бывал в городе Оше, Муканбек и Гулипа всегда тепло встречали меня у себя дома, и не разрешали жить в гостинице. Дети Мукана и Гулипы – Мардия, Зарема, Жамиля, Мелис.

Оставшись на кафедре, я один год жил с Равилем и Даиром в доме у Исхака, а затем они переехали в частный дом возле физкультурного института. В этом доме Равиль пристроил одну комнату, и мы с ним жили там до тех пор, пока я не женился. Даир переехал на квартиру сестры Светы, муж которой, Джумакадыр Атабеков, был дипломатом. Он получил трехкомнатную квартиру во Фрунзе и уехал работать на Кубу. В этой квартире часто проживал младший брат Даира, Айдар.

В феврале 1970 года я поехал впервые в командировку на 1 месяц в Институт холодильной промышленности города Ленинграда. Здесь проводились курсы повышения квалификации энергетиков мясомолочной промышленности из разных городов СССР. Курсы были, безусловно, полезны и необходимы. Здесь мы узнали достаточно много интересного и нового об энергетике отрасли. Обменивались опытом. Очень важным и интересным было знакомство с легендарным городом на Неве, Ленинградом, где я был впервые. В свободное от занятий время я посетил Эрмитаж, Петропавловскую крепость, Пискаревское кладбище, театры. Это был город-музей. В Эрмитаже меня поразили картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», Рафаэля «Мадонна с младенцем», Тициана «Кающаяся Мария Магдалина», Анри Матисса «Танец», великолепная была скульптура «Венера Милосская», «Мыслитель», «Вечная весна» Огюста Родена и др. Огромное собрание шедевров культуры, расположенных в Эрмитаже невозможно осмотреть за 1 день и мне пришлось прийти еще несколько раз, чтобы внимательно посмотреть картины и скульптуры разных времён и государств. Большое впечатление оставили памятники и скульптуры в самом городе несмотря на то, что было очень холодно и заснежено. Это памятник основателю города Санкт-Петербурга Петру I «Медный всадник» скульптора Фальконе. Вели-

колепные были «Кони» архитектора Клодта на Аничковом мосту. Восхищал город-музей. Безусловно, летом, когда нам пришлось ещё раз побывать здесь и посмотреть этот город, он был ещё краше. Нарядный, со своими знаменитыми фонтанами в Петергофе и другими дворцами в окрестностях Ленинграда.

Я подружился с некоторыми ребятами из нашей группы и вот в один из воскресных дней мы решили поехать в город Таллин Эстонской ССР (сейчас пишут Таллинн). Вечером в пятницу четверо мужчин, к сожалению, имена их я уже забыл (из Москвы, Барнаула, Свердловска и Фрунзе) сели в ночной автобус, и утром мы приехали в город Таллинн. С гостиницей нам повезло: мы разместились на большом теплоходе, который стоял на рейде у города Таллинна. Позавтракав, мы пошли осматривать город. Таллинн, в отличие от наших советских городов, был настоящим европейским городом, которые мы видели по телевизору. Здесь мы впервые попробовали глинтвейн в баре «Каролинка». Это было горячее вино со специальными добавками. Впервые познакомились с барами и кафе.

Запомнился случай, когда мы вечером пошли в ресторан «Астория», чтобы посмотреть варьете, билеты на которое мы взяли ещё днём. На входе в ресторан нашего москвича остановил швейцар и не впустил его в ресторан. Мы попросили объяснить причину. Он объяснил, что у них в ресторан вечером пускают мужчин только в костюме, а наш друг был одет в вязаную кофту с галстуком. На все наши просьбы швейцар отвечал отказом. Москвич очень расстроился, что не попадает в ресторан, но мы вдруг вспомнили, что днём мы помогали нашему товарищу из Барнаула покупать пиджак. И этот пиджак был с нами. Мы развернули покупку, одели москвича, и нас пропустили в ресторан. Он был очень доволен, что не остался на улице. Вечер был прекрасный. И безусловно, интересным было выступление артистов варьете. В СССР такие выступления были редкостью. На следующий день мы посетили зимний парк под стеклом «Кадриорг», а вечером автобусом уехали в Ленинград.

Через несколько дней мы разъехались из Ленинграда по своим городам. Во Фрунзе меня ждала работа. За прошедшее время

я хорошо усвоил, что должен делать как энергетик министерства. Для хорошей работы энергетиков на предприятиях, помимо бесперебойной работы энерго- и теплоэнергетических установок, необходимо было разрабатывать и внедрять мероприятия по энергосбережению. Одним из таких действенных рычагов было правильное распределение министерством лимитов на электроэнергию. Действенным рычагом было правило: при превышении лимита энергоснабжающие организации вводили штрафные санкции. Если же предприятие укладывалось в лимит или экономило электроэнергию, то энергетикам выплачивались премии.

Достаточно успешные рабочие отношения у меня сложились с энергетиками на предприятиях, а также с руководителями предприятий. Среди них были энергетики Фрунзенского гормолзавода Н.И. Уланский и теплоэнергетик В. Князев. Такие отношения мы с ними сохранили и после моего отъезда в аспирантуру. В сентябре этого года, получив трудовой отпуск, я поехал, по совету Сайдина Исакова, который работал в ЦК ЛКСМ Киргизии, в молодёжный лагерь «Спутник», который находился на берегу Чёрного моря. Так я впервые оказался на Чёрном море. Время, которое я провёл здесь, осталось в моей памяти надолго. Это был бархатный сезон, вода была очень теплой, а погода – прекрасной. Руководство лагеря проводило все мероприятия с учётом молодёжного контингента отдыхающих. Здесь я встретил своего земляка из города Фрунзе Турсунбека Абдыгулова, прекрасного журналиста и фотографа. Фотографии, которые он сделал, и сейчас впечатляют. Это природа и море. Со мной за столом сидели аспиранты Московского авиационного института (МАИ). Они всегда отличались от всех отдыхающих, можно сказать – элита. Я с ними подружился и уже в конце нашего отдыха мы были с ними на «ты». Это были достаточно приятные и хорошие парни. Мы обменялись адресами, и наша встреча состоялась в декабре этого же года, когда я оказался в Москве, в командировке. Это была хорошая встреча, в кафе «Лиры», а затем – у памятника А. С. Пушкину.

В Сочи нам удалось побывать на даче И. В. Сталина, она была на горе, недалеко от нашего лагеря. Мы были вдвоем с Т. Абдыгуловым. Нас поразила простота убранства комнат и мебели. Толь-

ко кабинет Сталина был из красного дерева, и выходил на террасу в парк. Нам объяснили, что красное дерево само регулирует температуру, влажность и выделяет полезные для здоровья запахи. Служители этой дачи сказали, что сам Сталин не приезжал сюда. Иногда приезжали его дети и родственники. Это был, конечно, не музей, который посещали туристы, но здесь бывали и организованные группы, в общем, люди, которым было интересно посмотреть, как жил вождь народов. На память об этом остались снимки, которые сделал Турсунбек и, конечно, запомнились сосны, которые любил Сталин. Вернувшись в город Фрунзе, я продолжил свою работу в Министерстве и преподавал в ФПИ.

Наступил 1971 год, это был обычный год, ведь, как и в другие годы, мы жили ожиданиями и надеждами на что-то новое и лучшее. Так и случилось со мной, как в песне из кинофильма «Весёлые ребята» в исполнении Леонида Утесова: «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...». На майские праздники мы были приглашены в гости в Токмак к сестре отца – Зине эже. Мы поехали в гости втроем: Булат, Равиль и я на старом «Москвиче», который собрал Булат, купив списанную автомашину, которая развозила почту. Это был «Москвич-фургон» – первая машина в нашей семье, но она достаточно хорошо бегала и имела приличный вид.

В гости Зина-эже пригласила соседей, Стамбековых: мать Зину-эже, дочерей Бегаим и Гуляйым. Было хорошее застолье, а затем танцы во дворе под песни Батыра Закирова и Полада Бюльбюль оглы. Так я познакомился с Бегаим, а затем весь вечер мы танцевали. Она хорошо танцевала «твист». И ей это удавалось даже позже, уже в зрелом возрасте. Меня от волнения сильно развезло. Далеко за полночь мы сидели с сыном Зины-эже Азимом, что-то обсуждали. Зина-эже подошла и отправила нас спать. А мне сказала, что надо следить за собой, так как здесь, возможно, присутствует твоя будущая невеста.

На следующий день нас в гости пригласили Стамбековы. Здесь я впервые рассмотрел мою будущую жену Бегаим, и сердце мое забилось тревожно. При разговоре я узнал, что Бегаим учится на технологическом факультете, заканчивает его и сейчас работа-

ет над дипломным проектом, а в июне будет защищать его. Мы вежливо попрощались с семьей Стамбековых, поблагодарили их, а затем наших родственников, Зину-эже и её дочерей, Бейшекан, Айгулю, сына Азима и вернулись в город Фрунзе

После майских праздников я решил пойти в общежитие, чтобы встретиться с Бегаим. Нашёл одного своего студента, у которого преподавал, и попросил позвать Бегаим Стамбекову. Он знал комнату и саму Бегаим, и через некоторое время она вышла. Я предложил ей прогуляться в районе старого аэропорта. Она согласилась, но сказала, что ненадолго, так как ей нужно делать дипломный проект. Мы пошли гулять и зашли в гости к Турсунбеку Абдыгулову, с которым были в Сочи, а он жил недалеко в этом районе, там мы пили чай и слушали музыку. Через час-полтора я проводил Бегаим до общежития и спросил, не нужна ли помощь в написании дипломной. Она ответила, что у неё нет проблем с этим. Мы с ней договорились о следующей встрече.

Был май, и все мне казалось прекрасным и тревожным. Я думал, вдруг она откажет мне во встречах, и может я не тот человек, который ей нужен. Мы ещё несколько раз встретились, но чаще встречаться не давало дипломное проектирование. Наконец наступил её день защиты, и конечно, она была успешной, защитилась на «отлично». Я поздравил её. Она уехала в Токмак, так как дома её ждали родственники и родители. После вручения диплома я был приглашён на вечер выпускников в кафе «Ала-Арча», где встретил своего преподавателя, а затем коллегу – Кумена Исакова, который дружил с подругой Бегаим, Тамарой Джунушалиевой, ставшей впоследствии доктором химических наук, профессором кафедры химии, деканом технологического факультета. После выпускного вечера я попросил Бегаим выйти за меня замуж, после чего получил согласие, и мы поженились. Сначала мы поехали к моим родителям, потом – в Токмак, к её родителям, а через месяц провели свадьбу для родственников Бегаим и наших родителей в городе Токмаке. Во Фрунзе мы провели свадьбу в доме у сестры Розы-эже.

Здесь же мы и остались жить у Розы-эже на один месяц, пока подыскивали квартиру. Вот так началась моя семейная жизнь.

Бегаим пошла работать на Фрунзенский комбинат, в консервный цех. Мы жили в частном доме в одной комнате, где у нас было одно одеяло и подушка моя, другое одеяло и подушка были у Бегаим, это её постель из общежития, и шырдак, который дала Роза-эже. Приобрели первую посуду: чайник, кастрюлю, пиалы, чашку большую для стирки белья. Хозяйка дома была Мамдух-апа, строгая и аккуратная женщина. Через некоторое время приехал папа Бегаим посмотреть, как мы живем. И очень удивился, что всё у нас так просто: спим на полу, кушаем на полу и т. д. Через некоторое время он привёз нам новую мебель, две деревянные кровати, шкаф импортный, посуду, которую готовили в приданое для Бегаим. Нам в комнате стало очень тесно.

Бегаим работала на мясокомбинате, и я часто встречал её в полночь на остановке на улице Боконбаева. Мы долго искали квартиру, и судьба нам помогла найти комнату в трехкомнатной квартире у нашего сотрудника министерства. Здесь, конечно, мы разгулялись. Была большая кухня, ванная и даже две комнаты. Через некоторое время Бегаим перешла на работу в Академию наук, в отдел патентования. Конечно, благодаря помощи Ахматбека байке, родственника Базыла Стамбекова.

Вспоминая годы после окончания института, я могу сказать, что много времени и внимания уделяли изучению культуры, искусства, мы посещали Театр оперы и балета, ходили на концерты, особенно в Дни культуры России в Киргизии, и слушали арии в исполнении народных артистов СССР Тамары Милашкиной, Евгения Кипкало и др. Мы были на концерте Эдиты Пьехи, которая мне очень нравилась, и ансамбля «Дружба», где мы получили её автограф, о чем я ей напомнил через много лет на большой свадьбе на Иссык-Куле, где она выступала. Будучи в Москве и других городах, я старался попасть на культурные и другие мероприятия, и это всё помогало мне в жизни.

Семья наша росла и крепла: родители были в Пржевальске, Роза работала на мясокомбинате, Булат был вторым секретарем Свердловского райкома партии, Римма строила семейную жизнь с М. Носиновым, Рано училась в Москве, Ильяс – в ФПИ, на механико-машиностроительном факультете.

1972 год был для меня очень трудным, но счастливым. 29 августа у нас родился сын Кубанычбек. Роды прошли в городе Токмаке под присмотром Зиной-эже. Она была акушеркой в больнице села Покровки, ну я, конечно, думал, что так будет лучше, когда рядом будут её родители. Радостное известие мы отметили с Булатом во Фрунзе, после чего я отпросился на работе и поехал в Токмак.

Через 2 дня мы выписали Бегаим и ребёнка из больницы в дом родителей Бегаим, где отпраздновали это событие и назвали мальчика Кубанычбеком. На следующий день я уехал в город Фрунзе на работу, так как рабочий график в Министерстве был очень строгим, с 9:00 до 18:00. Через 2 дня мне позвонили из Токмака и сказали, что у Бегаим поднялась температура, и после обеда я отпросился и поехал в Токмак, а вечером её отвезли в больницу, в Покровку, где этим же вечером сделали срочную операцию, так как у неё начался мастит.

Прошло несколько дней, но Бегаим становилось всё хуже. В это время приехала моя мать, Майсара, из Пржевальска, мы вместе с ней поехали в Токмак и вечером привезли Бегаим и сына во Фрунзе. Сразу же вечером мы поехали с мамой к профессору Нуриле Шеримбетовне Булатовой, жене известного хирурга профессора З. Игембердиева. С нашей семьёй и с мамой Н.Ш. Булатова была знакома ещё с 1937 года, когда она была студенткой медучилища. Она подробно расспросила о болезни и сказала, чтобы мы утром вместе с Бегаим приехали в клинику её мужа З.И. Игембердиева, которая была рядом с клиникой Ахунбаева.

Утром, осмотрев Бегаим, она сказала, что Бегаим необходима срочная операция. Её увезли в операционную, а после операции положили в палату. Н. Булатова вместе с мужем З. И. Эгембердиевым провели консилиум, и, конечно, меня отругали, что мы поздно обратились к ним. Они сказали, что положение очень серьёзное, Бегаим будет лежать в этой клинике, а мне необходимо брать молоко для сына в первом роддоме, где об этом договорилась Н.Ш. Булатова. Сколько дней продолжалась эта борьба за жизнь Бегаим, я не помню, наверное, 3–4 недели, сколько раз при этом делались операции, я не помню, но благодаря работе этих двух

замечательных врачей, Н.Ш. Булатовой и З.И. Игембердиеву, Бегаим была спасена. У неё был послеродовой сепсис, последствия которого остались у Бегаим на всю жизнь.

Я до сих пор не могу понять, как успевал в этот период. Я вставал в три часа ночи, готовил шорпо и бульон для Бегаим. В пять часов тридцать минут я был на автобусной остановке. В шесть часов я ехал к Бегаим в Национальный госпиталь, затем в 7 часов утра я был в первом роддоме, брал молоко для сына, шел на остановку и ехал домой, где я жил в 6 микрорайоне. Переодевшись, я ехал на работу, и в 9 часов утра я уже был в Министерстве, которое было расположено возле кинотеатра Ала-Тоо, ныне это Министерство экономики КР, а вечером обязательно заезжал в клинику навещать Бегаим. Такое положение было почти месяц.

В октябре Бегаим выписали из клиники Игембердиева, но окончательное выздоровление и улучшение пришло намного позже, когда уже в доме Бегаим вместе с мамой очистили рану от гноя и началось заживление. Что мне помогало в этот период, я не знаю: молодость, любовь, и, наверное, Кудай. В этой тяжелой борьбе мне помогали родители Бегаим, моя мать, Болот и сестрёнка Рано. После выписки Бегаим из больницы, наш ребёнок уже подросток. А профессор Нуриля Шеримбетовна сделала чудо, потому что сохранила возможность для Бегаим кормить грудью и нашего будущего ребенка – Бактыгуль.

Тяжелым последствием послеродового сепсиса было нарушение кровообращения сосудов кровеносной системы на ноге. Это была долгая борьба, в течение 10–15 лет, с такой болезнью как тромбофлебит, которая мучала Бегаим сильными болями. Мы долго мучались, искали специалистов в городе Фрунзе, в Москве. Посещали профессоров различных клиник. И только в одной клинике, в Петроградской больнице, нас принял академик В.А. Савельев, который, осмотрев Бегаим, сказал, что он специалист по внутренним болезням, но у него есть молодая доктор наук, Константинова Галина Дмитриевна, специалист по сосудам, и он пригласил её. Это была молодая женщина невысокого роста, но с очень крепкими руками, которые должны быть у хороших хирургов. Обследовав Бегаим, она назначила на май операцию.

В мае была сделана сложная операция на глубоких венах, а затем Бегаим отправили на реабилитацию в Подмоскowie. Г.Д. Константинова была очень строгим врачом, и после операции я привез ей коробку с фруктами, но она меня отчитала, а фрукты положила на стол для всей кафедры. Потом мы с ней подружились и почти каждый год ездили к ней на обследование. И вот как-то раз, когда мы подружились, она сказала: «Имил, операция у Бегаим – это моя самая главная победа и удача, так как операции на глубоких венах в тот период не делали».

Бегаим лежала в этой больнице больше десяти дней. В это время её выхаживала мама моего научного руководителя, Надежда Семёновна Чельшева, которая каждый день в 17:00 привозила котлеты, супы, компоты, но самое главное – искренность, тепло и поддержку. Надежда Семёновна была удивительным человеком. Долгое время она работала химиком в Министерстве общего машиностроения СССР, где делали космические ракеты. Имела много орденов и медалей. Затем вышла на пенсию и помогала нашей семье.

Соседки по палате спрашивали у Бегаим, кем ей приходится эта женщина, и когда она говорила, что это мать научного руководителя мужа, они удивлялись, потому что к ним мужья и дети редко приезжают, а к Бегаим – каждый день. Вот такие люди были в советское время, вот где была настоящая дружба и любовь. За все операции и лечение Бегаим мы не платили никому и ничего, кроме транспортных расходов и гостиницы в Москве. После этой операции Бегаим получила шанс на вторую жизнь, защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом кафедры химии и учёным секретарем ФПИ.

1972 год был для меня знаменательным ещё и потому, что я вступил в ряды КПСС, связав с компартией значительную часть своей жизни. Возможно, я мог вступить в партию ещё в институте, но поработав в Министерстве, я понял, что мой дальнейший успех в жизни будет связан только с КПСС. Так сложилась к этому времени кадровая система в СССР. В Министерстве возможность стать членом КПСС была практически равна нулю, так как

предпочтение отдавалось рабочим заводов и фабрик, труженикам колхозов и совхозов.

Не имея практически никаких намерений и надежд, однажды я шел пешком из Центрального конструкторского технологического бюро (ЦКТБ) мимо кинотеатра «Россия». Время близилось к обеденному перерыву, и я решил просто зайти в Первомайский райком КПСС, который был в двух кварталах, я повернул и пошёл в сторону райкома. Это было в июле. Когда я зашёл в Первомайский райком партии, на моём пути никого не было, я спокойно поднялся на второй этаж, в приёмную Первого секретаря райкома КПСС. Здесь тоже никого не было. Я постучал в дверь и попросил разрешения войти. В комнате сидел достаточно полный и высокий человек в очках, как я потом узнал, это был Салморбек Акиев. Мы с ним побеседовали минут 15–20, он попросил меня рассказать биографию, спросил, почему я раньше не вступал в ряды КПСС, а затем сказал, чтобы я зашёл к секретарю в приёмную в 15:00.

Я так и сделал: зашёл в приёмную, где меня недружелюбно встретила секретарь и отругала за то, что я зашёл без разрешения к Первому секретарю райкома КПСС, а затем проводила к заведующему орг. отделом райкома партии А.Г. Тергалинскому. Он практически устроил мне экзамен в течение 1,5–2 часов, начиная с автобиографии, политических событий в мире, в стране и Кыргызстане, о достижениях в науке, об уставе партии, о том, какую я читал литературу, увлекаюсь ли я искусством и культурой, и даже спросил, какие спектакли на тот момент шли в театрах города. Закончив беседу, удовлетворённый, он сказал, что сейчас ничего не обещает и если появится какая-то возможность принять меня в партию, то они сообщат об этом секретарю первичной партийной организации Министерства.

А у нас секретарем первичной организации была Э. Ковалёва. Я ей коротко сказал, что был в райкоме КПСС, имел беседу. Прошло несколько месяцев, и в самый трудный момент жизни, когда болела Бегаим, позвонили из райкома партии Э. Ковалёвой, чтобы я готовил документы для вступления в ряды КПСС. В этот момент у меня всё смешалось: болезнь Бегаим, рождение ребён-

ка, работа в Министерстве, а тут ещё приём в партию. В ноябре меня приняли кандидатом в члены КПСС. Это был, наверное, самый редкий случай в Министерстве, где работали почтенные люди, вступившие в партию на производстве. Через год меня приняли в члены КПСС. А через 10 лет я стал секретарем партийной организации Фрунзенского политехнического института. Прошли тяжёлые времена, кажется, так быстро, как всё течёт в жизни. Радости и проблемы идут по жизни рядом. И надо выстоять.

В 1973 году у меня появилась ещё одна большая радость: я получил двухкомнатную квартиру в 5 микрорайоне. Радость для нашей семьи была безграничной. В это же время поступило предложение поехать учиться в очную аспирантуру МВТУ им. Н. Э. Баумана, в Москву. В этом мне помог тогда молодой учёный, а в последующем – академик Национальной академии наук КР (НАН КР) Шаршеналиев Жаныбек Шаршеналиевич. Он познакомил меня с моим будущим научным руководителем, профессором МВТУ им. Баумана Бор-Раменским Арнольдом Евгеньевичем. В декабре я пришёл на приём к нашему министру Суетову Ивану Григорьевичу, предварительно заручившись поддержкой в отделе со стороны Д.Ф. Кузнецова и С.Э. Ковалевой. Министр И. Г. Суетов – достаточно строгий, суровый и требовательный человек, понял меня и пожелал счастливой дороги. Впоследствии в течение трех лет, когда я приезжал на каникулы, он выделял мне материальную помощь в размере 100 рублей, а для нашей семьи это были большие деньги, и я был благодарен родному министерству и людям, с которыми я впервые встретился, и они меня поддержали во всём. К сожалению, по рассказам своих коллег, я знал, что некоторые министры отказывали молодым аспирантам в помощи.

В первых числах января 1974 года я приехал в Москву. Город встретил меня достаточно дружелюбно, хотя и было сильно холодно, но меня быстро оформили и поселили в общежитие на станцию Ильинская в 40 км от Москвы. Там была зона отдыха МВТУ им. Баумана, лес и одноэтажные домики. На следующий день я поехал на кафедру, где мой руководитель А.Е. Бор-Раменский познакомил меня с «микрошефом» Владимиром Алексеевичем Чельшевым, кандидатом технических наук, старшим науч-

ным сотрудником (с.н.с.). Впоследствии он стал действительно моим шефом и другом на всю жизнь. Он был 1943 года рождения, на 2 года старше меня. Взял надо мной опеку и фактическое руководство научной работой, а также подготовку диссертации.

На кафедре я узнал, что наш машиностроительный факультет, к которому относилась кафедра «Автоматические системы приводов», является достаточно закрытой, куда пройти можно было по специальным пропускам, а на факультете работали первые космонавты К.П. Феоктистов, А.С. Елисеев, О.Г. Макаров. Немного ознакомившись, я узнал, что на факультете работает много выдающихся учёных оборонной промышленности. Нашим заведующим кафедрой был Евгений Павлович Попов, выпускник МВТУ им. Баумана, академик, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант, лауреат Сталинской и двух государственных премий, автор многих книг и учебников. Он – создатель метода «гармонического баланса». Это стало выдающимся вкладом в Теорию автоматического регулирования. Лекции, которые он читал студентам, а я часто ходил на них, были настолько ясны и доступны, хотя это был достаточно сложный предмет. На кафедре работали выдающиеся учёные, которые написали книгу «Математические основы автоматического регулирования». Это В.А. Иванов, В.С. Медведев, Б.К. Чемоданов, А.С. Ющенко. А также первые создатели книги «Динамика систем управления манипуляторами» – доктор технических наук, проректор Московского станкоинструментального института, В.С. Кулешов и доктор технических наук Н.А. Лакота, в последующем – секретарь парткома МВТУ им. Н. Э. Баумана, депутат Московского горсовета. Воспитанниками Н. А. Лакоты являются Акказиев Кубанычбек и Носинов Азамат.

А сколько было выдающихся инженеров, которые разрабатывали большие, реальные проекты для оборонной промышленности, подводных аппаратов и манипуляторов. Хорошим другом и товарищем моим стал ведущий инженер Игорь Рыбкин, зав. лабораторией А.П. Алексеев, Володя Малютин, Резниченко Слава и др. Отдельно необходимо отметить нашего мастера на все руки, Александра Ивановича, который теоретические разработки

кафедры вкладывал в реальные макеты и изделия, помог мне в изготовлении действующей модели гидродвигателя.

В начальный период, да и в последующее время, мне пришлось много учиться, осваивать новую науку «гидропривод», так как будущие автоматические системы, машины, механизмы, авиация, космос, робототехника и многое другое зависели от развития «гидропривода», который в отличие от «электропривода» имел ряд преимуществ, хотя и были серьёзные недостатки: наличие жидкости, герметизация её, ограничения по расстоянию, так как нужны были соответствующие трубопроводы, источники электроэнергии и т. д.

Мне много пришлось поработать в Государственной публичной научно-технической библиотеке, Государственной патентной библиотеке, где я изучал патенты по моей теме. В конечном итоге родилась мысль создать новый гидродвигатель. За эту работу мы с Володией Челышевым, Бор-Раменским получили авторское свидетельство на изобретение, которое стало основой диссертационной работы. Необходимо было создать не только сам гидродвигатель, но и систему управления им.

В реальном создании гидродвигателя большую помощь мне оказал брат мужа Риммы, Мэлс Носинов, который в это время уже был главным технологом завода «Красный пролетарий» в Москве. Это был один из лучших станко-строительных заводов в СССР, который выпускал станки с числовым программным управлением (ЧПУ) на уровне мировых стандартов. Мэлс Носинов после окончания МВТУ им. Баумана стал одним из первых кыргызов, которого оставили работать на заводе «Красный пролетарий», где он прошёл путь от простого конструктора до главного технолога.

МВТУ им. Н.Э. Баумана, кафедра «Автоматические системы и приводы». В центре зав. кафедрой, академик
Е.П. Попов, слева в первом ряду доктор тех. наук Н.А. Лакота, слева во втором ряду
проф. А.Е. Бор-Раменский. 1974 г.

В квартире с моим научным руководителем доктором технических наук, профессором, директором Института машиностроения МВТУ им. Н.Э. Баумана В.А. Челышевым. 2001 г.

После осмысления конструкции гидродвигателя, я приехал летом на каникулы в город Фрунзе, и здесь мне реальную помощь в изготовлении макета нового гидродвигателя в «железе» оказал муж сестры Рано, Канат Турусбеков, который уже работал на заводе им. Ленина начальником цеха, тоже один из первых кыргызов на такой должности. Завод им. Ленина был самым крупным заводом Кыргызстана в области оборонной промышленности. Приехав в Москву, мы вместе с В. А. Чельшевым, мастером Александром Ивановичем занялись сборкой нового гидродвигателя и пробным запуском его. Испытания прошли успешно, но необходимо было дорабатывать систему управления и делать теоретические обоснования всех технологических, гидравлических процессов новой гидромашины, на что ушли последующие годы до окончания аспирантуры в 1976 году.

Запомнился мне случай, когда, прожив 5 месяцев на станции Ильинская, я получил место в общежитии МГУ на улице Шверника, в «доме аспиранта». Это было огромное здание из двух корпусов по 14 этажей, часть которых арендовало МВТУ им. Баумана. Надолго запомнились станции метро Бауманская, Октябрьская, Академическая, трамвай, а также 12 этаж, где мы жили втроем: аспирант из Узбекистана Нуруло, аспирант из Кемерово Иван и я. Это было прекрасное современное жильё по тем временам. Бегаим работала в Институте химии Академии наук Киргизской ССР, куда она перешла из патентного отдела.

В начале 1976 года она получила стажировку в Московский институт тонкой химической технологии (МХТИ) им. Менделеева. Приехав в Москву, она попала на кафедру, где изучала газовую хроматографию и где её очень хорошо встретили. Мы сняли одну комнату в районе Рязанского проспекта, но здесь жила большая семья из 6 детей, мужа и жены. Заниматься и жить здесь было очень трудно. Хотя мы и жили в многоэтажном доме. Мы занимались поиском новой квартиры, но всё было бесполезно.

И вот однажды я решил написать письмо министру промышленности мясных и молочных продуктов СССР С.Ф. Антонову с просьбой помочь нам с общежитием и отвез его на Калининский проспект, где было Министерство. Я передал письмо по-

мощнику министра, и он попросил меня позвонить через 2 дня. Через 2 дня я позвонил ему, и он направил меня к руководителю треста по производству желатина. Генеральный директор принял меня доброжелательно, был приветливым и добрым человеком, и попросил позвонить ему через 2 дня. Я позвонил, он сказал мне, чтобы я ехал к директору московского желатинового завода, через станцию метро Текстильщики.

Когда я приехал к директору, он сказал мне, что мы будем жить в трехкомнатной квартире, где одну из комнат занимают рабочие желатинового завода, так называемые «лимитчики». В этот период Москве нужны были рабочие руки и поэтому приезжали рабочие со всей страны на специальные производства. При этом был строгий отбор, и если они оставались работать на данном предприятии в течение 5 лет, то им давали прописку и квартиру.

Мы жили с молодой парой из Украины, которая съехала через 2 месяца, и мы с Бегаим остались одни в трехкомнатной квартире. Здесь мы прожили до отъезда, окончания аспирантуры. Летом к нам приезжала моя мама с нашим сыном Кубанычбеком, была проездом в Болгарию сестра Бегаим, Гуляим. В общем, нам сказочно повезло, и мы благодарны всем москвичам, которые нам помогали.

Из Москвы мы должны были вылететь 30 декабря в 20:00 часов, но произошла задержка самолёта, и мы вылетели 31 декабря утром, а домой попали в 22:00 вечером. В аэропорту города Фрунзе было пусто, шел снег, нас никто не встречал. Люди уже начали праздновать Новый год. Мы кое-как добрались на маршрутке до 5 микрорайона. Сумели только раздеться и сесть за стол, как наступил новый, 1977 год. Конечно, после долгой дороги мы устали, но были счастливы, что добрались домой, к сыну и родителям. Начиналась новая пора перемен в нашей жизни.

3 января 1977 года я пошёл в родной Фрунзенский политехнический институт, где встретился с новым ректором ФПИ Журавлевым Владимиром Михайловичем. Он пришёл в ФПИ в 1975 году на смену легендарному, уважаемому основателю ФПИ, профессору Георгию Акимовичу Сухомлинову, который много сделал для становления самого крупного технического вуза

в Киргизии. В.М. Журавлев подробно расспросил меня об учебе, биографии, научном направлении и определил меня на работу на кафедру автоматики и телемеханики, где заведовал кафедрой мой давний товарищ Ж.Ш. Шаршеналиев. При этом он сказал, что он сам также преподает на этой кафедре, а когда я сказал, что мне необходимо ещё раз поехать в Москву на стажировку, чтобы доработать диссертацию и представить к защите, он сказал, что с этим проблем не будет. После этой встречи я пошёл на кафедру к Ж. Ш. Шаршеналиеву, где узнал, что я буду вести на технологическом факультете курс «Автоматизация технологических процессов в производстве». Я также зашел к моему товарищу и коллеге, проректору по учебной работе Садырбеку Назарову.

Занятия начались с первого февраля, и у меня был большой поток студентов технологического факультета. В начале марта меня вызвал В. М. Журавлев и сказал, что меня назначают заместителем ответственного секретаря приёмной комиссии. Я начал отказываться, но он кратко сказал, что это нужно для института. У меня больше не было выбора. Ответственным секретарем был назначен декан горно-геологического факультета Мамбетов Шергазы. Мы начали работать вместе и готовиться к приёмной комиссии. Отработав в приёмной, я продолжил работу на кафедре автоматики и телемеханики.

25 ноября 1977 года в нашей молодой семье родилась дочь Бактыгуль, в появлении которой на свет приняла самое активное участие Булатова Нуриля Шеримбетовна, заведующая кафедрой акушерства и гинекологии КГМИ (Киргизского государственного медицинского института). За все, что она сделала для нас, мы ей были очень благодарны.

В 1978 году, в начале марта, я уехал в Москву для завершения диссертационной работы. Конечно, здесь очень большую помощь оказал мне мой истинный руководитель В.А. Чельшев и его семья: мать Надежда Семёновна, жена Татьяна, дочь Наташа. В этой семье, в их доме, я чувствовал себя как член семьи. Такие добрые доверительные отношения сложились у нас. И я благодарен всей этой замечательной семье.

В конце месяца я показал свою работу профессору В.Н. Прокофьеву. Я очень ему благодарен за отзыв и участие в защите, потому что это был корифей, выдающийся учёный в области гидропривода и объёмных гидромашин. Я сдал работу в диссертационный совет, который назначил защиту на 2 октября 1978 года. Мне очень помог доцент нашей кафедры, учёный секретарь совета В.Г. Лобачёв, который внешне был неприступным и строгим человеком, а в реальности – простым и доступным, готовым оказать помощь.

Вернувшись в город Фрунзе, я окупился в работу приёмной комиссии. Меня назначили уже ответственным секретарем приёмной комиссии. Работа оказалась сложной и ответственной. Ведь здесь решалась судьба молодого человека, его будущее. К нашей чести, приёмная кампания завершилась успешно, больших замечаний не было, и я в конце сентября уехал на защиту в Москву, где в это время уже учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС мой старший брат Булат. Он помог мне с жильем в их общежитии на период защиты. Условия у них были прекрасные, можно было жить семьей, приличная комната на Садово-Кудринской улице, прекрасная столовая с хорошей дешёвой кухней. Учиться он должен был три года с защитой кандидатской диссертации.

Защита моя состоялась 2 октября 1978 года. Я, конечно, сильно волновался, но всё прошло успешно, и голосование было единогласно «за». После защиты мы поехали отмечать праздник в ресторан «Узбекистан». На вечере присутствовали В. А. Чельшев, В. Малютин, Александр Иванович, ведущий инженер Ольга, Булат Акунович, его жена Флюра Магарифовна, Доктурбек Курманалиев и я. Было очень хорошо, душевно и тепло. Была отмечена хорошая узбекская кухня ресторана. В конце вечера, по традиции бауманцев, была взята самая относительно чистая салфетка со стола, на которой все присутствующие написали свои пожелания. Эту салфетку я храню дома. Все пожелания были прекрасные и хорошие. Но пожелания мастера Александра Ивановича я отметил особенно: «Имиль, пей и ешь, сколько совести есть». Он объяснил своё пожелание, что я буду расти, но всему есть предел

и совесть. После банкета гости разъехались по домам, а мы с Булатом и Флюрой поехали к ним в общежитие, по дороге заехали в ресторан «Пекин», который был рядом с Академией, а потом еще посидели в комнате общежития.

На следующий день я получил поздравления из дома от Бегаим и родителей, через несколько дней я оформил документы в ВАК СССР и уехал во Фрунзе. А в начале декабря я получил из ВАК СССР подтверждение, что мне присвоили ученую степень кандидата технических наук. Дома мы радостно отметили это событие. Семья у нас была большая: я, Бегаим, Кубанычбек, Бактыгуль, отец Акун, мать Майсара, младший брат Ильяс.

В феврале 1979 года меня пригласил ректор ФПИ В. М. Журавлев, который сообщил, что меня вновь назначают ответственным секретарем приёмной комиссии. Кандидатура моя согласована с отделом ЦК Компартии Киргизии и Министерством просвещения Киргизской ССР. Возражать было бесполезно, так как, с одной стороны, это было почётное доверие, а с другой – огромная ответственность, с которой я уже был знаком ранее. В истории ФПИ работа преподавателя в приёмной комиссии три года подряд была всего один раз, и это был мой случай

Работа в приёмной комиссии позволила мне практически быстро узнать весь огромный педагогический коллектив института, познакомиться близко с деканами факультетов, многими заведующими кафедрами. Здесь я познакомился впервые с будущим Президентом Кыргызстана Аскармом Акаевым, с ведущими преподавателями, В.А. Юриковым, К.Р. Рахимовым, М.Ш. Тулемышевым, П.Ф. Чирковым, М.Б. Баткибековой, председателем профкома Р.В. Шапошниковой, секретарем парткома О.Б. Бекетаевым, В.М. Белобровым, Ю.И. Чернышовой, С.Ж. Токтомушевым, Н. Карагуловым и мн. др.

В 1980 году меня назначили, а потом на учёном совете избрали заведующим кафедрой электроники. Я сначала отказывался, потому что это назначение не по моему профилю, но В.М. Журавлев и С.Н. Назаров сказали, что надо идти работать на эту кафедру. До меня этой кафедрой заведовал кандидат технических

наук, доцент М.К. Осмонов. Когда я впервые пришел на кафедру, коллектив встретил меня не очень дружелюбно. Реформу кафедры я начал с того, что каждому преподавателю определил рабочее место в кабинете заведующего. Так как других комнат больше не было, и я поставил в комнате обыкновенные парты со стульями. Ранее каждый преподаватель ютился в своих лабораториях и там было не всегда удобно, так как шли занятия, а теперь преподаватели приходили и садились за свой стол, на своё рабочее место. И если было необходимо, готовились к занятиям, и у меня все они были на виду. Со временем мы заменили парты на хорошие столы и стулья. Оборудование на кафедре было устаревшим. Лабораторные стенды были изготовлены из фанеры. Преобладали ламповые приборы, хотя уже были транзисторы, микросхемы, микроэлектроника и т. д. И здесь мне помог А. Акаев, который предложил съездить в Ленинград и там посмотреть современную электронику. Это был Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО).

А. Акаев учился в ЛИТМО, защитил кандидатскую диссертацию, подготовил докторскую под руководством доктора технических наук, профессора Майорова Сергея Александровича, с которым вместе написал известную книгу «Когерентные оптические вычислительные машины». Он позвонил ему и попросил помочь мне, а С.А. Майоров был проректором по научной работе, заведующим кафедрой счётно-решающих приборов и устройств (позже – кафедрой вычислительной техники). Данный вуз и сейчас является одним из лучших вузов России. Когда я приехал в Ленинград, то С. А. Майоров радушно меня встретил и 2 дня знакомил с учебной базой института, здесь я впервые увидел универсальные стенды, приборы с цифровой индикацией.

Я узнал, что эти стенды делают в Ленинграде, на специализированном предприятии при радиотехникуме. Руководство предприятия обещало поставить нас в очередь и через 3–5 лет, возможно, мы получим стенды. Я попросил их ускорить изготовление стендов. Это был февраль. Очень холодный зимний месяц в этих краях. Руководство предприятия сказала, что если я смогу найти комплектующие для стендов, которые распределяет Мини-

стерство высшего и среднего образования СССР, то они ускорят эту работу. Я взял список комплектующих, согласовал с В.М. Журавлёвым и поехал в Москву в Министерство высшего и среднего образования СССР. В Министерстве в отделе снабжения научными приборами ахнули, увидев список, и сказали, что это половина всех фондов вузов СССР на этот год. Я пошёл к заместителю министра Л.М. Терещенко, бывшему секретарю парткома МВТУ им. Баумана, и попросил его помочь мне как бывшему бауманцу. Он мне не отказал. Так я получил разрешение на эти комплектующие. Женщины в отделе почти лишились дара речи. Но что было делать, был приказ зам. министра. Вот это была солидарность бауманцев!

В декабре этого же года мы получили универсальные стенды по электронике и импульсной технике. Эти стенды и сейчас, в 2020 году, служат верой и правдой студентам ФПИ. Получив стенды, мы занялись их монтажом и подготовкой методических указаний. В этом вопросе огромную работу проделали кандидат технических наук, доцент Байыш Нурматов и заведующий лабораторией Константин Кучеренко, который впоследствии учился в аспирантуре ЛИТМО, где защитил кандидатскую диссертацию и уехал в город Минск, а с Байышем Нурматовым и его женой Мавлюдой мы стали семейными друзьями. Вот так исключительно на человеческих чувствах, без какой-либо коррупции и взяток была решена задача обеспечения современными (в то время) электронными приборами кафедре электроники.

Фрунзенский политехнический институт. Ректор В.М. Журавлев,
Имиль Аккозиев, чемпион мира по прыжкам в высоту Игорь Паклин.
1984 г.

Секретарь парткома ФПИ И. Аккозиев. 1983 г.

Встреча химиков: академик Усен Асанович Асанов
и доктор химических наук, проф. Мира Баткибековна Баткибекова

ФПИ. Первомайская демонстрация

В 1982 году меня избрали секретарем парткома ФПИ. Получилось это неожиданно. Произошли серьезные изменения в кадровом составе ФПИ. В общем, когда-то дружные между собой В.М. Журавлёв и С.Н. Назаров разошлись по каким-то вопросам и расстались друг с другом, причём обиженным остался С.Н. Назаров. Этот скандал между ними оказался затяжным и практически на всю жизнь. С.Н. Назаров уступил место проректора по учебной работе секретарю парткома О.Б. Бекетаеву, а на место секретаря парткома ФПИ рекомендовали меня. Пришлось пройти сложную процедуру всех согласований: с Первомайским райкомом партии, где Первым секретарем была Ж.Т. Туменбаева Горкомом партии, где первым секретарем был К.М. Молдобаев и ЦК компартии Киргизской ССР. На партийной конференции меня избрали членом парткома, а затем секретарем парткома. Скажу сразу, что это была огромная и сложная работа в ФПИ, где было более 400 членов КПСС, 2 500 преподавателей и сотрудников, 14 000 студентов очного, вечернего и заочного обучения, двух филиалов ФПИ в городах Ош и Кара-Куль. Предстояла долгая, длительная и сложная работа на многие годы.

В нашей большой семье Аккозиевых было всё хорошо и благополучно. Каждый из братьев и сестёр нашли своё место в жизни. Родители мои вместе с братом Ильясом купили двухкомнатную кооперативную квартиру в 7 микрорайоне. Отец, Аккозиев Акун, был очень физически крепким человеком, закалённым в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). К этому времени мы купили участок в селе Кок-Жар и начали строить небольшой дом. Отец, начиная с весны и до поздней осени, каждый день утром уходил на участок через микрорайонные карьеры, речку, к строящемуся дому, саду, а вечером поздно возвращался. Ему уже было почти 75 лет, а дорога занимала 7–8 км в одну сторону. Мать занималась домом. Её неугомонная натура заставляла навещать квартиры своих детей и внуков. Болот Акунович, защитив кандидатскую диссертацию, работал недолго в Правительстве Киргизской ССР, а затем работал достаточно продолжительное время зам. министра легкой промышленности. Роза Акуновна вернулась из Министерства на Фрунзенский мясокомбинат, Римма с семьёй жили

в Оше, Рано – в городе Фрунзе, Ильяс работал на заводе. Можно много написать и рассказать о каждой семье, но это будет достаточно длинный рассказ, поэтому я более подробно остановлюсь на своей семье.

Работа в парткоме ФПИ была сложной, новой и мне приходилось многому учиться. Главное – как работать с людьми, чтобы заслужить их доверие и уважение. Возвращаясь из Нарынской области, села Ат-Башы, с похорон сестры отца, Манин-эже, наши родные попали в большую аварию, в которой погибли сразу 3 человека: сестра отца из Токмака Зина-эже, Шаршекеев Дуйшебай, муж сестры отца Айжаркын и водитель автомашины. Через месяц после тяжелой травмы в больнице города Фрунзе скончался наш отец, Аккозиев Акун. В этой аварии получили серьезные травмы сестра отца Айжаркын-эже и Бектурсун, муж Бейшекан – дочери Зиной-эже, которые после длительного лечения выздоровели. Это была большая трагедия для нас. Через год скончался отец моей жены Бегаим, Базыл Стамбеков, а ещё через год, в 1984 году, из-за болезни безвременно не стало нашей любимой матери Майсары. Это были трудные времена.

Несмотря на такие тяжелые времена работа в парткоме требовала полной самоотдачи. КПСС в жизни советского государства играла огромную роль как политический орган со своей идеологией, своими требованиями, где необходимо было найти своё место в руководстве комсомольской организации, так как она была главным связующим органом со студентами, а комсомольцами тогда были почти все студенты. Партийная организация была одной из важных структур, которая решала организационные и кадровые вопросы института. Конечно, напрямую она не решала и не подменяла исполнительную власть, но все её рекомендации были важны и неукоснительно принимались к исполнению. Такая структура была выстроена, начиная от первичной организации и кончая высшими органами КПСС. Поэтому попасть в ряды КПСС интеллигенции было очень трудно. Квоты, которые давали райкомы, были очень мизерными, в основном, для студентов. Основные квоты отдавались на предприятия, колхозы, совхозы, в основном, для рабочих и крестьян. Я думаю, что это было

серьёзной ошибкой руководства КПСС. Искусственное ограничение приёма желающих вступить в ряды КПСС снижало авторитет и эффективность партии. Об этом я сказал второму секретарю ЦК Компартии Киргизии Г.Н. Киселеву при встрече и попросил увеличить квоту для института.

Этот период жизни государства, когда руководителем КПСС был Леонид Ильич Брежнев, многие историки и политологи сейчас называют «застойным». Я думаю, что нельзя говорить об этом периоде, как о каком-то «застое». Страна шла поступательно вперёд. Улучшались экономика, промышленность, а сельское хозяйство исправляло ошибки Н. С. Хрущёва. Огромную роль в этом играл председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, умный, ответственный, скромный руководитель, который знал, что делать. Но его реформы встречали часто сопротивление со стороны других руководителей правительства. В этот период СССР вступила в «холодную войну», которую открыли капиталистические державы во главе с США.

К сожалению, советское государство не всегда было готово отстаивать интересы своего народа. Так, было непонятно, почему в Кыргызстане, который имел 11,5 миллионов овец и более 1 миллиона голов крупного рогатого скота, на прилавках магазинов не было мяса, которое отправлялось в Москву и Ленинград. Такое положение было почти во всех союзных республиках. Это только один пример.

Конец 80-х – начало 90-х – этот период оказался провальным. Страна теряла авторитет, падала работоспособность, а одной из причин было засилье номенклатуры «старцев» Политбюро ЦК КПСС, которым не нашли своевременную замену новыми молодыми кадрами после смерти Л. И. Брежнева и К. У. Черненко. Но всё равно это ещё был могучий Советский Союз, который объединял 15 союзных республик едиными государственными задачами.

В этот период были практически решены основные задачи советского строя: это право на труд, право на бесплатное образование, право на бесплатное получение медицинских услуг и т. д. Эти потери были реально оценены народом, когда пришла пора суверенных и независимых государств. Когда пришла «рыночная

экономика», мы познали все «прелести» демократического общества, это ярко проявилось начиная с 1990-х годов и до сегодняшнего дня.

Однако вернёмся в 1982 год, к моей работе в парткоме ФПИ. В этот год мы приняли в ряды КПСС заведующего кафедрой ЭВМ, будущего Президента КР Акаева Аскара Акаевича. В 1983 году я оставил должность заведующего кафедрой электроники и полностью переключился на работу в парткоме. В этом году прошла партийная конференция, на которой меня избрали секретарём парткома ФПИ. На этой должности я проработал до 1990 года. Дольше меня на этой должности в ФПИ никто не работал ни до меня, ни после. Последним секретарём парткома был В.А. Юриков. Партком ФПИ был авторитетным органом, в нем работали ректор В.М. Журавлёв, декан, доктор химических наук Баткибекова Мира Баткибековна, доктор физико-математических наук, будущий ректор КГНУ, министр образования Совет Токтомушев, доктор технических наук, профессор Аскар Акаев, декан, доктор технических наук М.Ш. Тулемышев, доктор философских наук Кусеин Исаев, студент Шамиль Осмонов, в будущем генеральный директор Северэлектро. В задачу парткома, помимо основной, идеологической работы, входила воспитательная работа с преподавателями и студентами, которая проводилась через комсомольскую организацию и во время так называемых трудовых семестров: уборка картофеля в селе Чон-Кемине, работа на виноградниках совхоза Ала-Тоо и др. Силой партийной организации была личная ответственность коммуниста за свои дела и окружающих его людей. Организация трудового семестра, студенческие строительные отряды и т. д. Выдающимся воспитанником комсомола ФПИ был секретарь комсомольской организации, которого рекомендовал партком, Жумалиев Кубанычбек Мырзабекович, в будущем премьер-министр КР, академик НАН КР, доктор технических наук, профессор, депутат Жогорку Кенеша КР. Работа в парткоме мне дала много положительного для жизни, и я считаю, что я делал большую и полезную работу. К сожалению, многие члены партии, руководители райкомов и другие в 1990-е годы отказались от членства в партии, сдали партийные

билеты или вообще выбросили их. Что ж, это их решение и их право. Я думаю, что они находились в партии только из конъюнктурных соображений.

Наступил 1985 год. В руководство КПСС пришёл М.С. Горбачёв. Начало его деятельности было достаточно ярким и убедительным. В Кыргызской Республике был заменён первый секретарь ЦК Компартии Т.У. Усубалиев, который руководил страной с 1961 года по 1985 год. Он был известен как крупный советский политический деятель, но был также известен своей борьбой за власть. На смену ему пришёл А.М. Масалиев. В это время произошли изменения в ЦК Компартии Киргизии. Так, по рекомендации парткома ФПИ, заведующим отделом науки и образования ЦК Компартии Киргизии стал А.А. Акаев, а его заместителем в отделе науки и образования, по рекомендации парткома, стал В.И. Нифадьев, который был секретарём партбюро горно-геологического факультета. Булат Акунович, мой старший брат, стал заведующим отделом ЦК Компартии Киргизии. Были и другие серьёзные изменения. Период правления М.С. Горбачёва, известный под названием «Перестройка», закончился печальным событием – развалом СССР и КПСС. Сейчас многие историки и политологи говорят о том, что развал СССР был предreshён несостоятельностью ученья Маркса, Энгельса и Ленина. Я считаю, что это неправда. Развал состоялся только по вине М.С. Горбачёва как несостоятельного руководителя, а также, безусловно, огромную роль в развале сыграли спецслужбы США и стран Европы. Они сыграли на внутренних противоречиях двух лидеров того времени, на противостоянии первого секретаря Московского горкома Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачёва.

Недооценка той власти, которая пришла к М.С. Горбачёву, нанесла большой урон учению Маркса и Энгельса во всем мире. Мне вспоминается такой случай, когда ежегодно 22 апреля по всей стране, в том числе и во Фрунзе, проводился торжественный вечер, посвящённый дню рождения В.И. Ленина. Такой вечер был всегда в Москве, когда с докладом выступал член политбюро и в конце он говорил, что ученье Ленина верно и бессмертно. В конечном итоге, по указке московских «идеологов партии» это

стало догмой и началом развала идеологии КПСС, а вместе с тем и устройства социалистического государства. Народ с трудом терпел эти торжественные вечера, а руководители и организаторы этого мероприятия во Фрунзе переживали, придут ли люди, члены КПСС, руководители предприятий и организаций в большой зал Государственной филармонии, где оставалось много свободных мест, поэтому их, как правило, занимали студенты и солдаты. Работа в ЦК КП Киргизской ССР позволила А.А. Акаеву через 2 года стать Президентом Академии наук КР, а затем – депутатом Верховного Совета СССР. В конечном итоге, в 1990 году А.А. Акаев стал Президентом КР. В 1989 году состоялись альтернативные выборы ректора ФПИ, на которых победил Ш.А. Мамбетов. Перед партийной конференцией 1988 года я попросил секретаря ЦК Компартии Киргизии М. Шеримкулова освободить меня от должности секретаря парткома, на что он мне ответил: потерпи ещё, поработай.

На партийной конференции ФПИ, где присутствовал М. Шеримкулов, некоторые коммунисты, преследуя свои цели, хотели очернить меня и снять с должности. Они подготовили заговор, но он провалился. Когда на конференции заведующий кафедрой Колодяжный начал на меня «лить грязь», выступил участник Великой Отечественной войны, доцент Ильякун Калчаев, который резко осудил выступление Колодяжного и сказал, что нельзя порочить меня, что это ложь, и я этого не заслужил. Затем были и другие выступления. В конечном итоге, коммунисты проголосовали за меня, и я вновь стал секретарём парткома. Я думаю, что я «засиделся» на этой работе и через некоторое время, в 1990 году, я сдал свой пост секретаря парткома В.А. Юрикову, а сам стал проректором ФПИ по вечернему и заочному обучению.

В 1992 году наш институт разделили на 2 вуза: ФПИ и КАСИ (Кыргызский архитектурно-строительный институт). Меня направили работать в КАСИ проректором по учебной работе. Ректором ФПИ стал Р. Усубаматов, а КАСИ – Ж. Тентиев. Я проработал в КАСИ 1 год, испытал определённое давление, были и попытки оскорбить меня, обвинить в некомпетентности. Правда, все они окончились провалом, но пострадало моё здоровье.

Я убедился в том, какой вред наносят некомпетентность и безграмотность назначенных руководителей в любой отрасли и как от этого страдают окружающие. На ум приходит русская пословица, появившаяся где-то ещё в XII веке: «дураков не сеют и не жнут, они сами рождаются». Вот об этом надо помнить всегда руководителям различного ранга.

Вспоминая работу во Фрунзенском политехническом институте, коллег по работе, друзей, добрых и прекрасных людей, не могу не отметить их. Это проректор по научной работе, академик, доктор геолого-минералогических наук, профессор Асаналиев Усенгазы, его супруга Такиль-эже, прекрасной души человек; профессор Майрам Акаева, проректор по финансово-хозяйственной деятельности Л.М. Миркин, доктор технических наук, профессор А.С. Мавлянов, его супруга Рая Ташиева, доктор технических наук Ш.А. Мамбетов, доктор архитектуры Р.М. Муксинов, доктор технических наук Б.Т. Укуев, доктор технических наук, профессор И.Ш. Кадыров и его прекрасная супруга – профессор Фатима Турусбекова, зав. кафедрой политэкономики, доктор экономических наук Галина Джаманкулова, доцент Калыйман Абдыкеримова, доктор физико-математических наук, профессор Т.О. Ормонбеков, кандидат физико-математических наук, доцент Нурдин Карагулов и его супруга Кулиса, профессор Нурматов Байыш и его супруга Мавлюда Атабекова; кандидат технических наук, доцент Ю.П. Симаков.; зам. секретаря парткома Р.П. Хачатурянц, О. Алмакучуков, Э. Байсалов, Б. Сартказиев, К. Мамыркулов, Д. Курманалиев и многие другие. Возможно, я не всех вспомнил и не всех здесь назвал, но я благодарен всем тем, с кем работал в это время.

В эти перестроечные годы, с 1989 по 1991 год, Булат Акунович работал председателем Комитета по статистике Кыргызской Республики, а в 1991 году он добровольно ушел с поста министра на должность генерального директора АООТ «Кыргызский камвольно-суконный комбинат». Младший брат Ильяс Акунович стал директором завода «Союзмясомолтара». Римма с семьёй переехали в город Фрунзе, так как муж ее, Носинов Марс, стал министром Министерства промстройматериалов КР. Рано занялась

обустройством семьи, а муж её, Турусбеков Канат, продвигался по служебной лестнице на заводе им. Ленина.

В 1993 году я был назначен первым проректором по учебной работе вновь созданного Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ), ректором которого был назначен доктор технических наук, профессор Нифадьев Владимир Иванович. Придя в КРСУ вместе с Владимиром Ивановичем и другими специалистами, мы занялись обустройством университета. В нашем распоряжении было только одно здание – новый Дом офицеров, который не был приспособлен для обучения студентов. Это было административное здание, а для учебных целей нужны были аудитории, лаборатории, кафедры. Все это обещало Правительство КР, но надежды наши так и не оправдались. А планы у ректора В.И. Нифадьева были огромные. Он хотел создать классический европейский университет с направлениями технического, гуманитарного, юридического, экономического, медицинского профилей. Как-то раз он в таких раздумьях летел из Москвы в Бишкек, а рядом с ним оказался мой старший брат, Булат Акунович Акказиев. Владимир Иванович поделился с ним своими проблемами, так как они знали друг друга раньше, работая в ЦК компартии Киргизии. Булат Акунович сказал, что сможет ему помочь с помещениями, так как в это время он уже был генеральным директором АООТ «Кыргызский камвольно-суконный комбинат». На следующий же день он позвонил В.И. Нифадьеву и сказал, что может передать ему три корпуса: два пятиэтажных здания общежития на проспекте Чуй и бывшее здание ПТУ возле ККСК, где расположились затем гуманитарный, медицинский, юридический, экономический и естественно-технический факультеты. Всё это было сделано безвозмездно. И как говорил потом Булат Акунович, он сделал это добровольно, так как живы были в нём принципы коммунистического воспитания, порядочность, честность, ну и конечно же, он решил помочь брату, то есть мне, Акказиеву Имилю Акуновичу, который был уже проректором по учебной работе КРСУ.

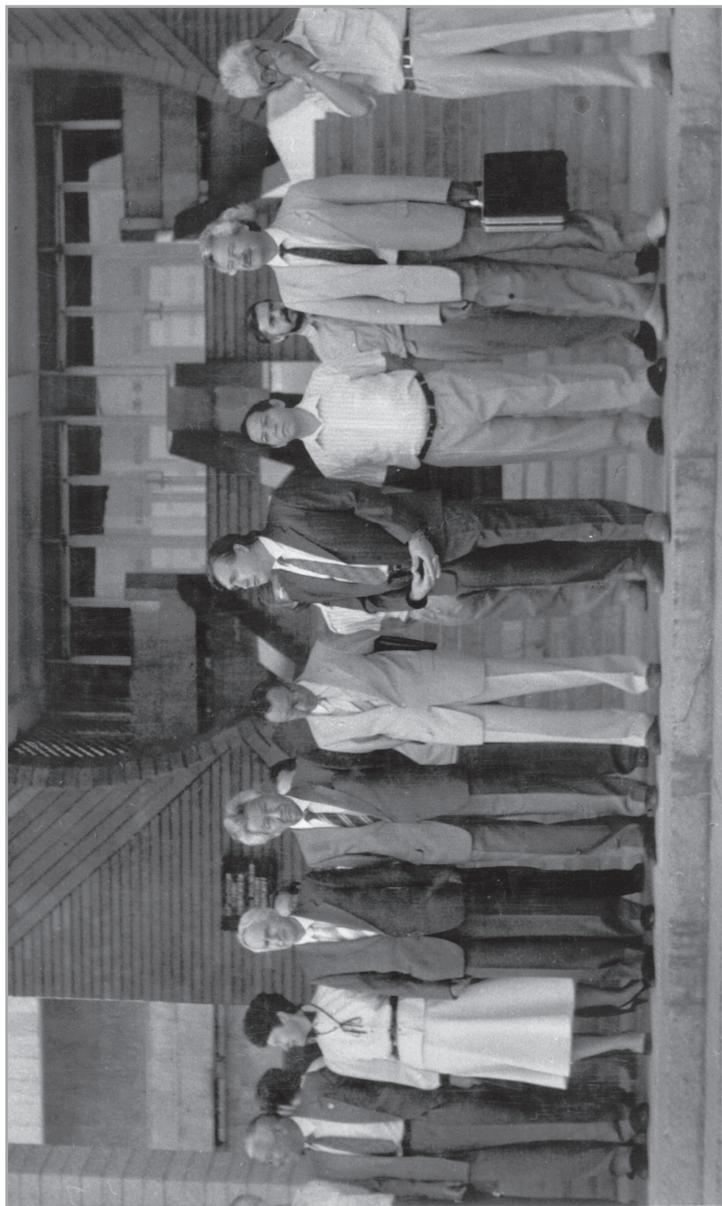
В КРСУ в это время уже сложился хороший учебный и административный коллектив: проректор по научной работе, до-

ктор физико-математических наук В.М. Лелёвкин, доктор физико-математических наук Г.А. Десятков, доктор филологических наук Абдыкадыр Орусбаев, М.М. Рудова, профессор М.А. Рудов, академик НАН КР В.М. Плоских, профессор А. Г. Зарифьян, профессор В.А. Юриков, профессор В.К. Гайдамако, доцент К.Е. Кашилов, доцент Л.Г. Лелёвкина, профессор В.М. Соложенкин, доцент Т.А. Нелюбова, профессор Х.С. Бебезов, доцент Б.Х. Бебезов и др. Университет пользовался популярностью в Бишкеке и в Кыргызстане, поэтому больших проблем с кадрами не было. Позже пришли декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор Л.Ч. Сыдыкова, доктор юридических наук А.Н. Ниязова, доктор юридических наук Б.Г. Тугельбаева, декан архитектурно-строительного факультета Р.М. Муксинов, доктор архитектуры Ю.Н. Смирнов. Большую роль в создании большого информационного центра, а также международного научно-технического центра (МНТЦ) сыграл кандидат технических наук В.А. Коваленко.

Работа в Правительстве Кыргызской Республики, а также возможности МНТЦ позволили нам с Бегаим посетить более 18 стран мира. Среди них США, Германия, Австрия, Швеция, Китай, Япония и др., где мы выступали с научными докладами и решали задачи профессиональной деятельности. Университет набирал силу: в эти годы в КРСУ пришли лучшие кадры из многих вузов и научных учреждений города Бишкека. Для решения многих вопросов по созданию университета мы не раз выезжали в Москву с В.И. Нифадьевым, так как вуз наш двойного подчинения, России и Кыргызстана, нам приходилось решать вопросы финансирования, учебно-методической, лицензионной и организационной работы. Вскоре КРСУ стал одним из лучших вузов Кыргызской Республики. Конечно, в становлении КРСУ большую роль сыграл Президент Кыргызской Республики А.А. Акаев. Работая в это непростое время, он показал себя с лучшей стороны. Ведь надо было решать много вопросов как внутри страны, так и за рубежом. Очень важны были кадровые вопросы. Однажды мы с Бегаим были приглашены в резиденцию Президента КР. Это было зимой, перед Новым годом, и за нами прислали машину. На ве-

чере присутствовало человек 35–40. Это были люди из администрации Президента КР, Правительства КР, друзья, родные, учёные. На вечере было достаточно хорошо, уютно и тепло. Звучали тосты, звенели бокалы, и в один момент тамада, Мисир Аширкулов, предложил поднять тост за меня, сказав: «был бы Президентом Кыргызской Республики Аскар Акаевич, если бы Имиль Акунович не принял его в ряды КПСС». Аскар Акаевич и все остальные дружно поддержали этот тост. При этом Аскар Акаевич произнёс слова древнего персидского и таджикского поэта Саади: «Друзья бывают трех сортов: друзья пиров, друзья-бесед, друзья души. Друзей пиров всегда ты избегай, друзей бесед – беседы не лишай, а за друзей души бокал до дна ты осуши». Так что извините, если кому-то я не успел оказать должного внимания». Жизнь показала, что эти слова его для многих окажутся пророческими, поэтому за долгие годы руководства страной его окружали и работали с ним разные люди, разные руководители и история сама дала им оценку.

В 1998 году меня перевели на работу в Правительство Кыргызской Республики начальником управления социально-культурного развития, так как там работал мой коллега и старший товарищ Исаков Кумен Исакович. Меня многое связывало с ним по ФПИ, а кроме того, моя жена Бегаим и Тамара, жена К. Исакова, были подругами и работали на одной кафедре. Но в конечном итоге меня заставили пойти работать в Правительство КР, а на моё место пришёл работать К.И. Исаков. Произошла ротация кадров. Я очень благодарен К. Исакову и Тамаре за то, что этот перевод не отразился на наших семейных отношениях.

Торжественное открытие Кыргызско-Российского Славянского университета, в центре – ректор В.И. Нифадыев. 1 сентября 1993 г.

Встреча с иностранными гостями, в центре – В.И. Нифадьев

На юбилейном вечере декана медицинского факультета КРСУ,
профессора А.Г. Зарифьяна

Поездка с Бегаим в КНР, г. Пекин. 1999 г.

Семья Носиновых в Москве

Через некоторое время меня перевели на работу в администрацию Президента КР, советником Президента КР. Работа была сложной в этот период и ответственной. Наша страна только осваивала период становления суверенной и независимой республики. Самыми уязвимыми в этот период были социальные вопросы, которые мы старались решать с премьер-министром КР А.М. Муралиевым, вице-премьером Б.И. Силаевым и другими государственными лидерами.

Памятным событием в эти годы было завершение работ по созданию мемориального комплекса «Ата-Бейит». Вместе с вице-премьером Б.И. Силаевым, главным архитектором комплекса Алькуловым Каныбеком мы постарались, чтобы работа была выполнена в срок. В июне 2000 года состоялось его открытие, на котором присутствовал Президент КР А. Акаев, Чынгыз Айтматов и многие другие. В памяти осталось одно событие, связанное с этим мемориалом. Когда до открытия оставалось 2 недели, выяснилось, что ещё не было текста, символизирующего этот мемориал. Ко мне пришёл главный архитектор Алькулов Каныбек и попросил срочно дать текст. Я пошёл к вице-премьеру Б.И. Силаеву, а тот сказал: делайте его сами. В это время в кабинет зашёл народный писатель КР, кинодраматург, Бексултан Жакиев, и мы вместе выбрали текст «Ак ийилет, бирок сынбайт». Эти слова выбиты на мемориале и символизируют память о жертвах сталинских репрессий. Позже здесь будет похоронен писатель Ч. Айтматов, а также жертвы революции 2010 года. В этот период были проведены крупные мероприятия, в которых я принимал активное участие, например «Ош-3000». Были налажены связи с университетами Германии для ФПИ и КАСИ. Велась интенсивная работа с бывшим премьер-министром земли Нижняя Саксония Эрнстом Альбрехтом, бывшим президентом компании Volkswagen Карлом Ханом и др.

За эти годы произошли большие изменения и в нашей большой семье. В 1989 году окончил среднюю школу № 24 с серебряной медалью мой сын, Акказиев Кубанычбек Имильевич. В этом же году он поступил в МВТУ им. Баумана на машиностроительный факультет, на специальность «Автоматические системы и при-

воды». В 1992 году из-за болезни он перевёлся в ФПИ, который окончил в 1994 году по специальности «Автоматика и телемеханика». Осенью 1992 года внезапно скончалась мать Бегаим, Стамбекова Зина, которая жила у нас после смерти Гуляим, сестрёнки Бегаим. Это был тяжёлый удар для нашей семьи. В 1993 году Кубанычбек женился на студентке 2 курса КАСИ Асаналиевой Айнуре, обучающейся по специальности «Экономика строительства». Родители её были замечательные люди: отец – профессор, зав. кафедрой химии госуниверситета им. Арабаева, Асаналиев Жолчу, а мать, Кошалиева Сайнабубу, высококлассный специалист, винодел, работавшая на Шампанвинкомбинате.

В 1993 году в семье Кубанычбека и Айнуры родился сын Бектур, мой первый внук, а позже появились ещё 2 внука, Жаныбек и Актан. Судьба Кубанычбека Имильевича складывалась удачно: в 1995 году он был на годичной стажировке в Дипакадемии, в Москве, а в 1996 году был направлен секретарем в Посольство КР в Германии. После возвращения в Бишкек работал директором института по привлечению инвестиций при Правительстве КР, а затем – в администрации Президента КР экспертом. В 2002 году Кубанычбека Имильевича направили работать консулом КР в Германию, в город Франкфурт-на-Майне. В 2005 году он досрочно вернулся в Кыргызстан после «цветной» революции.

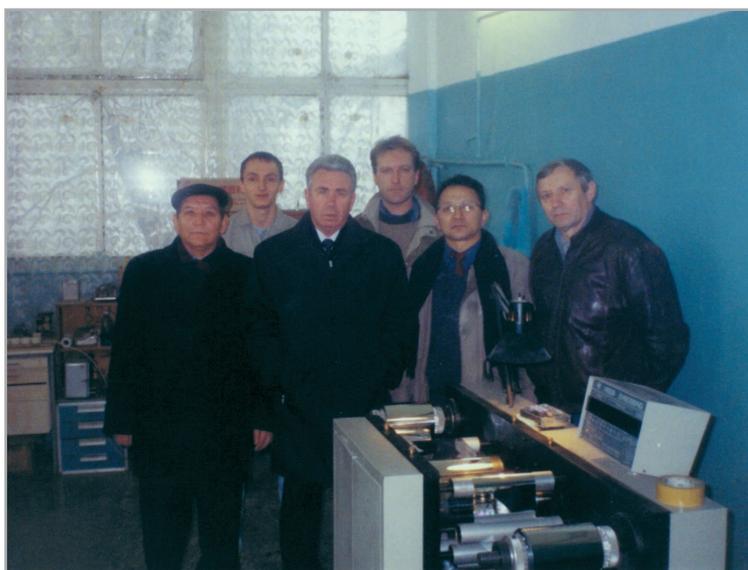
В 1994 году моя дочь, Акказиева Бактыгуль, поступила в Американский университет Кыргызстана (АУК) на специальность «Управление бизнесом». После окончания АУКа в 1998 году она поступила в Академию управления при Президенте КР, по окончании которой получила степень магистра. При этом она одновременно работала в Министерстве финансов Кыргызской Республики. Через 2 года она перевелась на работу по проекту «Здравоохранение в Кыргызстане». В 2004–2005 году Бактыгуль обучалась в магистратуре Гейдельбергского университета в Германии, по специальности «Управление и экономика в здравоохранении», а после его окончания она год работала в Германии. В 2013–2015 годы Бактыгуль работала в Таджикистане, советником в Министерстве здравоохранения от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В 2016 году, пройдя конкурсный отбор,

Бактыгуль стала экспертом ВОЗ со штаб-квартирой в г. Барселоне, Испания, где вышла замуж, и живёт с мужем Фредериком Белл и сыном Николая.

В эти годы повзрослели, окончив школы и вузы, устраиваясь на работу, дети Розы-эже, Булата, Риммы, Рано, Ильяса. У каждого из них своя судьба и жизнь. Подробно описать это в данной книге сложно. Может быть, это будет новая книга. Были радости, но были и горестные события. В 2000 году в январе внезапно скончалась старшая сестра, Роза-эже, а летом этого года также быстро ушла из жизни сестрёнка Римма. Горечь утраты была невосполнимой. Их похоронили рядом с родителями на юго-западном кладбище г. Бишкек. В 2003 году из-за разногласий с Правительством КР ушёл с поста гендиректора АООТ «Кыргызский камвольно-суконный комбинат» Булат Акунович Акказиев, хотя в сложнейших условиях на комбинате в это время работало более 1000 человек, выпуская востребованную продукцию и пополняя государственный бюджет. А ведь в Кыргызстане в этот период остановились почти все крупные предприятия: Ошский текстильный комбинат, где работало 10 тысяч человек; завод Сельмаш им. Фрунзе; Токмакский мясокомбинат; завод им. Ленина и др. Сельское хозяйство пришло в упадок, распались колхозы и совхозы.

Президент КР А. Акаев с друзьями и коллегами. 1994 г.

Премьер-министр КР Н.Т. Танаев в лаборатории голографии

А. Акаев с участниками Международной конференции по голографии. В центре – выдающийся учёный Ю.Н. Денисюк. Госрезиденция. 1997 г.

А. Акаев на встрече с видными учёными России
и Узбекистана: С.М. Гуревич, А.Л. Микаэлян, З.Т. Азаматов

В 2004 году мне предложили перейти на работу ректором Кыргызского горного института им. Асаналиева, который отделился от ФПИ ещё при жизни первого ректора У. Асаналиева, но решение было принято наверху, и мне осталось только подчиниться. Сначала я работал по приказу, а затем меня избрали ректором всем коллективом университета. В 2000 году я защитил докторскую диссертацию по теме: «Оптическая запись и обработка информации». Я очень благодарен тем учёным и коллегам, которые помогали мне при подготовке к защите. Начало этой работе было положено ещё в ФПИ, где А. Акаев создал лабораторию голографии и оптики. По этой тематике защитилось несколько докторов и кандидатов технических наук в Москве, Санкт-Петербурге и Бишкеке. Я благодарен своим коллегам и друзьям из города Санкт-Петербурга: академику, доктору физико-математических наук С.Б. Гуревичу, доктору технических наук Б.С. Гуревичу, а также в городе Бишкеке: академику НАН КР, доктору технических наук, профессору К.М. Жумалиеву, доктору технических наук, профессору А.А. Сагынбаеву, Президенту НАН КР, академику, доктору физико-математических наук, профессору Ж.Ж. Жээнбаеву, доктору физико-математических наук, профессору М.М. Кидибаеву и многим другим. Безусловно, нельзя не отметить, что в этот период у нас зародилась многолетняя дружба с академиком из Москвы, доктором технических наук, профессором, Героем Социалистического Труда Алексенко Андреем Геннадьевичем и его женой Любовью Наумовной. Мы познакомились с ними ещё в 1983 году, когда А. Акаев проводил во Фрунзе Международную конференцию по использованию ЭВМ, а А.Г. Алексенко в этот период был избран председателем совета по внедрению ЭВМ в учебный процесс вузов СССР. Киргизстан, озеро Иссык-Куль ему очень понравились, и он впоследствии много лет подряд приезжал отдыхать на Иссык-Куль с женой. Встречать и провожать их помогали мне кандидат технических наук, доцент Ш. Дж. Джусенбаев, его супруга Замира, а также директор совхоза «Ала-Тоо» Ренат Эсатов. Точно такое же внимание и поддержку оказывали мне и Бегаим Андрей Геннадьевич и Любовь Наумовна, когда мы бывали в Москве. Это был всегда

семейный ужин в огромной квартире в доме недалеко от Кремля, который был описан в известной книге Ю. Трифонова «Дом на набережной». Андрей Геннадьевич познакомил меня с учёными Московского инженерно-физического института (МИФИ), где он преподавал. Познакомил меня с создателями первых компьютеров в СССР – «КБ Родина», с учёными и лабораториями, которые создавались впервые в СССР по направлению «нанотехнологии» и т. д. Всё это дало мне возможность создать в Кыргызстане «Центр нанотехнологий в КРСУ», а также был создан «Совет по развитию нанотехнологий в КР при Правительстве КР».

В 2004 году я возглавил Кыргызский горный университет, повысив статус института. За 1 год, который я работал в университете, произошли значительные изменения. При небольшом бюджете мне удалось повысить зарплату коллективу университета в 2 раза. В институте, который имел 7–8 компьютеров, мне удалось приобрести 100 компьютеров и создать 2 компьютерных класса. Оснастил ими все кафедры и подразделения университета, а также машиностроительный техникум при университете, улучшился учебный процесс и материально-техническая база кафедр. Был создан проект нового здания университета и др.

Кафедра «Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии» КРСУ

Международная конференция, ректор горного университета
И.А. Аккозиев. 2005 г.

В проведении таких реформ в университете мне очень помогал весь коллектив университета, за что я всем безмерно благодарен. И особенно проректору по учебной работе, кандидату технических наук Нурмату Жайлообаеву. Но нашим дальнейшим планам не суждено было осуществиться, так как в марте 2005 года грянула «цветная» революция, в результате которой Президент Кыргызской Республики А. Акаев вместе с семьёй был вынужден покинуть Кыргызстан и остаться на многие годы в России. В результате произведённых реформ новый Президент КР Бакиев упразднил наш университет и присоединил его в качестве института к КТУ им. Раззакова (бывший ФПИ).

Коллектив горного университета долго боролся и неоднократно обращался к новому Президенту КР, в Правительство КР, просили оставить прежний статус горного университета и меня на посту ректора, однако положительного решения так и не было. Я оставался на посту директора горного института при КТУ им. Раззакова. Через 2 месяца новый министр образования Нур уулу Досбол пригласил меня как директора горного института и ректора КТУ им. Раззакова Шаршеналиева к себе и предложил провести выборы нового ректора КТУ им. Раззакова в сентябре. Мы согласились с этим. Однако ректора КТУ Ж.Ш Шаршеналиева освободили от занимаемой должности через 2 дня, а новый ректор КТУ предложил мне во всем подчиняться ему, хотя мы были самостоятельным юридическим лицом. Я отказался от этого предложения и пришёл с заявлением к министру образования, попросив освободить меня от занимаемой должности по причине несогласия с Указом Президента КР, постановлением Правительства КР и приказом Министерства образования КР. Министр спросил меня, нельзя ли чем-нибудь мне помочь, но я отказался от его помощи, так как начиная с 1995 года в КРСУ я создал новую кафедру «Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии» (НВИЭ), учитывая перспективность этой науки и перспективы использования специалистов в этой области. Кафедра была одной из первых с таким перспективным направлением энергетики в Кыргызстане. Она была создана мной практически на пустом месте, в пустых комнатах бывшего ПТУ «ККСК», где

располагался естественно-технический факультет (ЕТФ) КРСУ. В 2020 году кафедре НВИЭ исполнилось 25 лет. За годы, когда я заведовал этой кафедрой, а затем профессор Ю.П. Симаков, она превратилась в современную кафедру, отвечающую всем требованиям учебного процесса подготовки высококлассных специалистов.

Были созданы новые лаборатории, оснащённые современной техникой, компьютерный класс и особенная гордость кафедры – Центр нанотехнологий, оснащённый единственным в Кыргызстане туннельным сканирующим микроскопом для исследования процессов и материалов для нанотехнологий. Реальную помощь в приобретении этого микроскопа оказал генеральный директор «Газпром Кыргызстан» Болот Абилдаев, с которым мы были знакомы по работе ещё в Правительстве КР. Также по инициативе Болота Абилдаева в КРСУ была учреждена престижная стипендия «Газпрома», которой награждались лучшие студенты, за что они были благодарны.

Встреча Нового года с коллективом Горного университета. Ректор И. Аккозиев. 2005 г.

Сессия ЖогоркуКенеша КР: в первом ряду народный писатель Ч. Айтматов, Б. Акказиев,
Т. Акматбаев, М. Алыкулов. 1993 г.

Юбилей Булата Акуновича Акказиева. 2000 г.

Акказиева Бактыгуль, модератор Круглого стола

Акказиева Бактыгуль и её супруг Фредерик Белег

I съезд инженеров Кыргызстана. И.А. Аккозиев и Б.А. Акказиев.
2001 г.

Друзья – проф. Байыш Нурматов и его супруга Мавлюда Атабекова,
Гульнара Сартказиева

Встреча с Героем Социалистического Труда, доктором технических наук, профессором А.Г. Алексенко: жена, Любовь Наумовна, директор совхоза «Ала-Тоо» Ринат Эсапов, Ш.Д. Джусенбаев, жена Замира Дербишалиева

Мы с женой Бегаим. 1993 г.

Встреча с президентом НАН КР Ж.Ж. Жэнбаевым

Встреча с президентом фирмы «Фольцваген»,
доктором К. Хан, Германия. 2004 г.

Аккозиев Имиль и его внук Бектур на Международной конференции
по возобновляемым источникам энергии в Австрии. 2012 г.

Поездка в г. Каракол

Имиль Аккозиев с семьей.

Булат Акказиев на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны. Село Уч-Кайнар, 2015 г.

Село Уч-Кайнар, Канаевы: Бектурган и Марс,
и Аккозиевы: Имиль и Кубанычбек

Наследники Каная

Начиная с 2005 года, я перешёл полностью на эту кафедру, где и работаю по настоящее время. В становлении кафедры огромную помощь оказали преподаватели и инженеры кафедры: зав. лабораторией Геннадий Рожнов, который создал и изготовил универсальные стенды по электротехнике и электронике, Татьяна Шестопалова, которая защитила диссертацию и стала зав. кафедрой Московского энергетического института (МЭИ), переехав в Москву; декан В.А. Юриков, зав. лабораторией НВИЭ В.П. Пантелеев, профессор Ю. П. Симаков, доцент А.П. Балянов, инженеры З.Ж. Сейдакматова, А.М. Карих, преподаватели Д.В. Виноградов, Т.Г. Рожнова, доцент В.В. Кирилов, кандидат технических наук, доцент Т.Ю. Каплина, инженеры В. Шабанов, С. Бунин, О.П. Новиков, Н.С. Саякбекова, а также мой давний коллега и друг – зав. лабораторией Центра нанотехнологий Демьянович Петр Дмитриевич, кандидат технических наук Акылбек Жээнбеков и др.

Особенно хочется отметить первого выпускника кафедры Михаила Торопова, преподавателя, который защитил кандидатскую диссертацию и вносит достойный вклад в развитие кафедры. Я благодарен этой кафедре, где всегда царила дружба, взаимопомощь, всем коллегам – за преданность делу и взаимопонимание, уважение друг к другу. Мои пожелания кафедре в честь 25-летия: я хочу, чтобы она и дальше развивалась и поддерживала свой авторитет в университете и за его пределами.

За свой многолетний труд я получал Почётные грамоты Минмехомолпрома СССР и Минобразования СССР, а также был награждён медалью «Данк», являюсь заслуженным работником образования КР, отличником образования КР.

К сожалению, эти годы внесли и достаточно скорбные даты. В 2006 году скоропостижно скончалась моя супруга, Бегаим, надёжный помощник и опора семьи, мать моих детей и бабушка моих внуков. В 2008 году скончался любимый и уважаемый мой жезде, муж сестры Розы, Сарпек Саркушевич Богомбаев. В 2010 году ушёл из жизни мой школьный друг Даир Чубаров. 2 марта 2018 года неожиданно и безвременно ушёл из жизни всегда жизнерадостный, уважаемый и любимый старший брат Булат Акуно-

вич Акказиев. Он мужественно боролся со своей болезнью, не обременяя ни родных, ни близких своими проблемами. Похоронили Булата Акуновича 5 марта 2018 года на Ала-Арчинском кладбище. Последние три года, когда он летом приезжал из Москвы, он меня просил организовать поездку вокруг Иссык-Куля, с заездом в город Каракол (бывший Пржевальск), и мы втроем – Булат, Ильяс и я делали это турне с обязательным заездом на родину отца, в село Уч-Кайнар, к нашим близким родственникам – Бектурган ава, Марсу, Индире.

Село Уч-Кайнар – это родина нашего деда Каная, чон эне Бурулкан, отца Акуна, и многих родственников, где я часто бывал в 50-е годы. Это было достаточно большое по тем временам село. В селе было одно место, где были родники с чистой холодной, изумительно вкусной водой, откуда брало воду все население села. От этих родников и пошло название села Уч-Кайнар. Это было красивое место, даже какое-то загадочное, окружённое деревьями, зелёной травой и разноцветием.

Дом нашей бабушки Бурулкан находился рядом с центральной дорогой, которая была кольцевой. Начиналась она от города Каракола и конечной точкой являлся совхоз Каракол. Вдоль этой дороги располагались сёла Отрадное, Орлиное, Нововознесенка, Теплоключенка и др. Я часто с отцом или без него, пешком, ходил в это село. Ходить пешком по этой дороге, которая была в 6 км от села Каракол, было занятно и интересно. Особенно эта дорога была интересной, когда приезжала чон эне Бурулкан летом из города Фрунзе в Каракол и Уч-Кайнар. Это была прямая улица от города до села, но тогда пыль была летом толщиной 5–7 см, и я часто ходил босиком по этой дороге, а впереди шла статная, высокая красивая чон эне Бурулкан.

Помню один случай, когда утром рано к нам домой приехал Бакай ава на лошади, из села – в город. Я тогда учился в четвертом классе. Бакай ава оставил лошадь, и сказал мне, чтобы я после уроков вернул её назад в село. После уроков я отправился в путь, смело влез на лошадь, едва доставая до стремян, и выехав из города, пришпорил коня. Конь оказался очень резвым, и я галлопом влетел в село. Бектурган ава, увидев меня, а затем лошадь,

спросил, скакал ли я галопом всю дорогу, потому что конь был весь в мыле. Меня он немножко пожурил, сказал, что так нельзя гнать лошадь все время. После чего меня покормили, и я быстро ушел пешком домой. Больше мне одному такие поездки не доверяли.

Очень часто в село ходили Болот, Равиль и русские ребята с нашей улицы – Генка, Борис и другие. Они ходили на рыбалку. Рядом с селом был небольшой пруд. Рыбы в пруду почти не было, но иногда попадалась мелкая рыбёшка гальян, которую нельзя было кушать. Очень часто мы с отцом на бричке приезжали в село. Здесь впервые в октябре 1957 года, когда помогал Бектурган ава убирать картошку, я услышал, что в СССР запустили искусственный спутник Земли. Я пытался у Бектурган ава уточнить, что это такое. Он старался мне что-то объяснить, но в конечном итоге сказал, что я сам потом как-нибудь в этом разберусь.

К сожалению, почти все из большой семьи Бектурган ава и Жазылкан жене разъехались из села, здесь остался только их младший сын Марс, фермер, с женой Индирой и тремя детьми – Болотом, Бегаим и малышкой Наимой.

В 2003 году, учитывая заслуги моего отца, в его честь была названа одна из центральных улиц: Аккозиев Акун көчөсү. Открытие улицы было большим событием для нас, и мы, его дети, родственники, жители села, с участием заместителя губернатора Иссык-Кульской области, сделали этот день достаточно праздничным и торжественным. В 2010 году жители села попросили нас, детей, отремонтировать эту улицу. Я помню, что эта улица и в советские времена не ремонтировалась. И особенно трудно было передвигаться по ней осенью и зимой, когда грязь была по колено. Мы втроем – Болот, Ильяс и я – обсудили это предложение и решили этот вопрос. В течение трех суток село не спало, гудели трактора, подъезжали машины с гравием, в результате чего село получило хорошую гравийную дорогу между двумя соседними селами, Уч-Кайнар и Ак-Суу (Теплоключенка). Здесь активными помощниками и руководителями были Марс и Индира. В юбилейные дни 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в школе села мы провели мероприятие – поздравили сель-

чан – ветеранов Великой Отечественной войны, а школе подарили компьютеры и книги.

Село Уч-Кайнар гордится своими земляками. Это видный государственный деятель, зам. председателя Совета Министров Киргизской ССР Шамши Таянов, председатель горисполкома г. Пржевальска Аккозиев Акун, известный агроном Канаев Бектурган, известный руководитель Батырканов Мамбет, министр водного хозяйства Киргизской ССР, Батырканов Калкаш, доктор экономических наук, профессор Батырканов Жээнбек и другие знатные люди села. И сегодня жители села Уч-Кайнар вносят достойный вклад в экономику Кыргызстана, а средняя школа ведёт активную работу по внедрению в учебный процесс современных технологий.

Отмечая заслуги жителей села Уч-Кайнар, я хотел бы отметить деятельность отца моей супруги Бегаим, который 17 лет был директором Пржевальского Плодовинсовхозкомбината. В бытность его работы на винзаводе выпускалось столько разных сортов качественных и натуральных вин, которые нам сейчас и «не снились». Практически все вина выпускались из всех даров садоводства и кустарников, которые находились в горах Каракола и его окрестностей: апорт, райка, барбарис, рябина и многое другое. Большие заслуги Базыла Стамбекова были отмечены ещё тогда, когда он был председателем Чуйского райисполкома и на юге Киргизии. Учитывая его заслуги, жители села Алчалуу назвали одну из центральных улиц его именем: Базыл Стамбеков көчөсү. В течение многих лет я поддерживаю добрые отношения с родственниками Бегаим: Мусаевы Света, Болот и его жена Луиза, Сарыбаевы Жумагуль жене, Асан, Анара и др.

Возвращаясь раз за разом к нашей жизни, мы всё чаще вспоминаем сейчас прошедшие годы и события, свидетелями которых мы были.

Так, оценивая последние годы после прихода к власти М. С. Горбачёва, можно сказать, что основная его беда была в «проектёрстве» под громким названием «Перестройка», а на самом деле это было предательство интересов советского народа, развал СССР в погоне за властью, ну и конечно, проигранная информа-

ционная война США и западным государствам, в угоду которым всё это и было сделано. Распад союзных государств на отдельные самостоятельные страны, которые якобы обладали «суверенитетом и независимостью», обернулся большой бедой для всех народов бывшего СССР. Только большая страна могла противостоять империалистическим интересам США и западных стран. Сегодня политологи и историки говорят и пишут о неизбежности распада СССР, который якобы был заложен в его основе, однако им можно возразить. Например, посмотрите как развивается современный Китай, который строит социалистическое общество с «рыночной экономикой», управляя огромной страной с населением 1,5 млрд человек. Большинство стран бывшего СССР, в которых развалена экономика, впадают в жалкое существование. Современная молодёжь забывает или не знает уроков истории, когда СССР выстоял против всех невзгод, которые обрушились на СССР после Октябрьской революции. И в настоящем мире только Россия из бывших стран СССР сумела выстоять, потому что руководит этой страной Владимир Владимирович Путин. К сожалению, в России, как и во всём современном мире, очень часто, на мой взгляд, не упоминают положительные моменты, которые были созданы народами СССР за 70 лет советской власти, когда был создан фундамент современной экономики, промышленности, сельского хозяйства, образования и медицины, которые успешно конкурируют с США и другими странами. Куда приведёт такая забывчивость, трудно сказать и предсказать. Такое же положение с прошлым бытует во многих бывших странах СССР, так называемых странах СНГ.

Сегодня у нас с бывшими братскими странами СССР преобладают «рыночные отношения», лозунгом которых является «только бизнес и ничего личного». Однако Кыргызстан находится в сложном положении, так как не имеет достаточных транспортных коммуникаций с развитыми странами, и это создаёт серьёзные проблемы изолированности Кыргызстана, препятствует развитию экономики, промышленности, сельского хозяйства. Перспективным направлением для Кыргызстана, молодёжи пока остаётся рынок труда в России. И сегодня, когда трудовые мигранты отправляют родным и близким в Кыргызстане около

2 млрд долларов, этот источник надо поддерживать, а для этого надо изучать русский язык и другие языки, готовить квалифицированных рабочих и специалистов. Выигрывают те люди, которые владеют этими качествами, когда едут в Россию и другие страны. Безусловно, необходимо владеть в современном Кыргызстане кыргызским языком, а по возможности изучать английский, китайский, немецкий и другие языки. В Кыргызстане стремительно растёт численность населения: в 2000 году численность была 5 млн человек, а к 2020 году население составляет уже 6,5 млн человек. Соответственно, Кыргызстан должен уделять росту населения большое внимание, а также будущему новому поколению.

Возвращаясь к первоначальным истокам этой книги, к статье Ш. Таянова «Наследники Каная» в газете «Советская Киргизия» от 6 ноября 1966 года, можно отметить, что эта статья актуальна и сегодня, когда на примере одной семьи можно посмотреть, как развивалась в целом, почти за вековой период, отдельная кыргызская семья в разные переломные моменты истории современного Кыргызстана. В последние годы много внимания уделяется истории древних кыргызских поселений на реке Енисей, в горном Алтае, истории великого Кыргызского каганата, дошедшего до границ Европы. К великому сожалению, строгих письменных свидетельств об этом периоде до наших дней дошло очень мало. И поэтому многие историки трактуют этот период часто по-своему. Серьёзным источником истории кыргызского народа является народный эпос «Манас», но, изучая творческое наследие древнего кочевого кыргызского народа, надо реально помнить и оценивать развитие современного Кыргызстана, начиная с 1917 года, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, когда расцвела культура, искусство, литература, творчество кыргызского народа. Это был период братского сотрудничества со многими народами многонационального СССР. И когда Кыргызстан внёс свой значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Необходимо проанализировать развитие Кыргызстана в послевоенные годы и последующие годы до наших дней.

Золотыми буквами вписан в историю труд деятелей искусства и литературы этого периода. В это время впервые были созданы спектакли в оперном и балетном искусстве: опера «Айчурек», «Манас», балеты «Чолпон», «Материнское поле» создали композиторы А. Малдыбаев, В. Власов, В. Фере. Расцвело творчество композиторов К. Молдобасанова, Н. Давлесова. На сценах Союза и Кыргызстана блистали балерины Бюбюсара Бейшеналиева, Рейна Чокоева, Айсулуу Токомбаева и другие. Выросло творчество народных писателей, прославивших кыргызский народ и нашу страну. Это были Аалы Токомбаев, Алыкул Осмонов, Касымалы Жантошев, Тугелбай Сыдыкбеков, Касымалы Баялинов, конечно, народный писатель Кыргызской Республики Чынгыз Айтматов и др. На сценах театра выступали знаменитые оперные певцы: народная артистка СССР Сайра Кийизбаева, Кайыргуль Сартбаева, Артык Мырзабаев, Булат Минжилкиев, народные артисты Кыргызской Республики Хусейн Мухтаров, Кадырбек Чодронов, Токтоналы Сейталиев и др. Выросли молодые артисты Кыргызбай Осмонов, Керим Турапов, Роза Аманова и другие. Блистал знаменитый дирижёр, народный артист СССР Асанкан Джумахматов. Отдельно хочется рассказать о творчестве и личности Булата Минжилкиева, знаменитого баса оперной сцены. Как-то мы отдыхали вместе с Бегаим и нашей семьёй на Иссык-Куле, а рядом отдыхали Булат Минжилкиев с женой Рейной Чокоевой. Мы часто с ним беседовали на разные темы. Как-то раз за столом Булат рассказал, как он пел в США в «Метрополитен-опера» знаменитую арию Бориса Годунова в составе советской делегации. Их поселили в шикарном отеле, где был белый рояль для репетиций, огромные холодильники с различными напитками, и он стал готовиться к выступлению. Вдруг позвонил портье из вестибюля и сказал, что к нему пришли земляки-кыргызы и можно ли их пропустить к нему. Поколебавшись, Болот сказал, чтобы пропустили. Пришли к нему два человека. Один из них сказал, что он Азамат Алтай, глава кыргызской диаспоры, эмигрировавший в США. Он сказал, что впервые видит, чтобы кыргыз выступал в знаменитом «Метрополитен-опера». Сказал, что они хотели купить билеты на спектакль, но билетов не было, и он попросил

помочь ему. Булат связался с продюсером, но тот сказал, что вряд ли сможет что-нибудь сделать. Через несколько минут, уточнив на сколько человек, продюсер сказал, что нашел два бесплатных билета в ложу. Опера прошла с успехом. Булат получил множество аплодисментов. На следующий день Азамат Алтай пришёл снова в отель и поблагодарил Булата за такой подарок и прекрасное выступление, которым он прославил кыргызов и Кыргызскую Республику. Затем он рассказал, что их двоих кыргызов посадили в ложу с госсекретарём США Генри Киссинджером. И они в страхе сидели весь спектакль от присутствия телохранителей. В другой раз я сам был свидетелем истории с Булатом, когда летел зимой из Москвы во Фрунзе. Наш самолёт с пассажирами задержали в аэропорту на 20 минут, а затем в иллюминаторе мы увидели маленький самолет, Як-40. Из него вышел человек и, поднявшись на наш борт, прошел вперёд в салон. И мы полетели во Фрунзе. Виновником задержки был Булат Минжилкиев. Во Фрунзе я вышел позже из аэропорта и на выходе встретил Булата Минжилкиева. Он сказал, что ожидает машину, а меня встретил мой коллега на «Жигулях». Я предложил ему ехать с нами, и он поехал. По дороге он рассказал, что прилетел из Казани с конкурса им. Шалапина, где был председателем жюри. Булат рассказывал, как его доброжелательно и дружелюбно встречали в Казани, а когда он улетал, то Председатель Совета Министров Татарстана посадил его одного в личный самолет и проводил его. Я думаю, что талант Б. Минжилкиева недостаточно был оценён при жизни. После его неожиданной кончины в Санкт-Петербурге, его похоронили с почестями на Ала-Арчинском кладбище в городе Бишкеке. Это было летом. А осенью самолёт с артистами и оркестром Государственного академического Мариинского театра во главе с дирижёром Валерием Гергиевым, возвращаясь из Китая, сделал посадку в г. Бишкеке на несколько часов. Они дали в Филармонии благотворительный концерт в честь Булата Минжилкиева.

Трудно бывает иногда своевременно вспомнить о тех людях, с которыми мы шли в трудные и счастливые годы. Безусловно, в этой связи вспоминается Айжаркын-эже, сестра отца Акуна, заслуженная учительница Кыргызской Республики, которая дол-

гие годы работала в школе № 5, а затем долгие годы в музыкальной школе им. Абдраева, сколько воспитала она хороших людей, а вместе с мужем Шаршекеевым Дуйшебаем, главным ветеринарным врачом республики, воспитала своих детей, известных всему Кыргызстану: Марат Шаршекеев, директор Токмакского радиозавода, председатель торгово-промышленной палаты Кыргызской Республики; Шаршекеева Камила, ректор Американского университета Кыргызстана, министр образования и культуры Кыргызской Республики, Нуриля Шаршекеева – педагог, Кубат Шаршекеев и Турат Шаршекеев – бизнесмены. Добрым словом вспоминается другая сестра отца – Зина-эже, всегда веселая, улыбочивая, доброжелательная – акушер-гинеколог. Скольким детям она дала жизнь. Дети ее – Бейшекан, заместитель министра здравоохранения Кыргызской Республики, вместе со своим мужем, врачом Бектурсуном, всегда бескорыстно служили народу. Сын Бейшекан, Марлен Калиев, много лет работал в консульском отделе Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. Помогал людям, работая в консульских отделах Кыргызстана, в России, в Москве, Владивостоке. Дочь Зины-эже – Айгуль много лет работала медсестрой в городе Токмаке. Добрую память оставили о себе профессор Валерий Алиевич Шериев и его супруга, Елена Абрамовна, которые бескорыстно помогали детям своих друзей, коллег осваивать сложные вопросы математики. Многолетняя дружба и взаимопомощь связывает нас с Женишбеком Тентиевым, ОАО «Илбирс», министром легкой промышленности Кыргызской Республики, а также народным поэтом Кыргызской Республики, директором коврового комбината Надырбеком Алымбековым. В течение многих лет мы связаны с прекрасными людьми: Агаруновой Валентиной Викторовной, её мужем Яковом и сыном Вадимом, её доброе слово поддерживает меня и моих детей. Трудно всех вспомнить, с кем пришлось идти по жизни, но я всем благодарен, что мы были вместе и глубоко извиняюсь, если кого-то не упомянул в этой книге.

Прошедшие годы советского периода были расцветом для Кыргызстана во всех направлениях. Сегодня, из далёкого 2020 года, мы можем оценить этот расцвет, потому что мы были его

свидетелями. К сожалению, за последние 30 лет в Кыргызстане мы редко видим яркие таланты и звёзды, поэтому хотелось бы надеяться, что такие таланты уже подрастают где-то рядом с нами.

Заканчивая книгу, я вспоминаю строки из известного фильма «Покровские ворота» и немного перефразирую их: «Скрылись за поворотом 50-е, отшумели 60-е, пролетели 70-е, 80-е проросли» и ушли за горизонт, пролетели быстро 90-е, начался новый XXI век, и уже сейчас 2020-й год. Что нам принесёт будущее?

В конце книги ещё раз хотелось сказать с большой теплотой и любовью: «Вот и отпели дорогим моему сердцу: отцу и матери Аккозиеву Акуну, Уразматовой Майсаре, старшей сестре Розе, старшему брату Булату и младшей сестрёнке Римме, дорогой и любимой жене, матери моих детей, Бегаим, свою песню холодные ветра с вершин Ала-Тоо, прошумели свою мелодию горные речки Ала-Арча и Караколка, и только тихо плещутся волны голубого Иссык-Куля».

Трудно всех и всё перечислить за эти многие годы. И только как напоминание нынешним наследникам Каная и чон эне Бурулкан хочется сказать нынешним здравствующим детям, внукам и правнукам: нужно продолжать растить детей и внуков и совершать благородные дела для родного Кыргызстана.

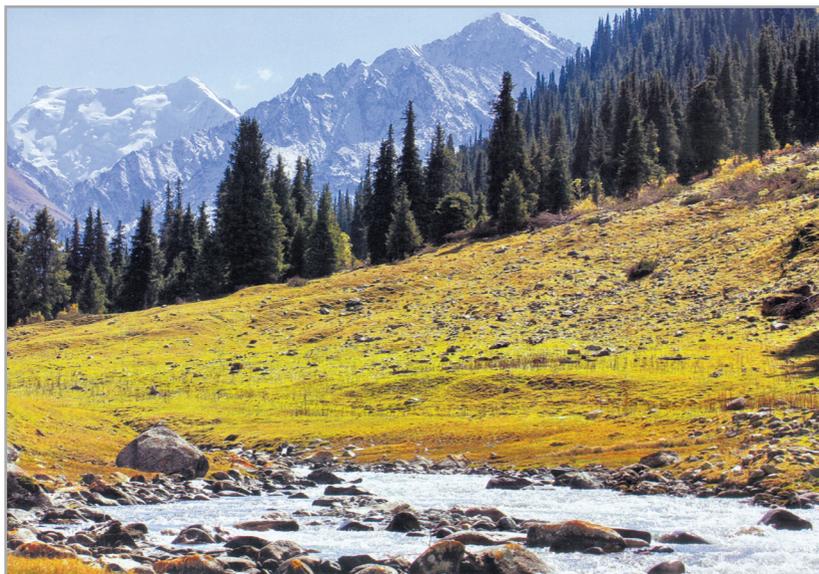
Обращаясь к молодёжи – нашему будущему – очень хочется напомнить замечательные слова писателя Николая Островского: «Жизнь даётся всего один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И поэтому надо жить и творить... добро.

XX–XXI КЫЛЫМДАРЫН СҮРӨТТӨРҮ

Памятные фотографии разных лет

Родной мой край, ты Кыргызстан.
Мой милый уголок под сенью снежных гор.
Под куполом небес, ты словно бархат в цвете.
Рисуешь на Земле свой кружевной узор.

Валерий Крейк

Семья Аккозиных в саду. 1955 г.

Встреча с Ч. Айтматовым. НАН КР

Шамши Таянов, министр иностранных дел, заместитель Председателя
Совета министров Киргизской ССР

Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. г. Москва, Кремль. 1986 г.

Содружество технических вузов СССР, г. Москва. МВТУ им. Н.Э. Баумана. 1984 г. В центре ректор МВТУ им. Н.Э. Баумана Г.А. Николаев, за ним, во втором ряду секретарь парткома, док. тех. наук, проф. Н.А. Лагота

Турсубеков Канат и его супруга Рано

Поездка в Ленинград, «Белые ночи». К.И. Исаков, Т. Джунушалиева,
Б. Акказиев, И. Аккозиев. 1976 г.

Поездка в Москву. 1984 г.

Семья И. Аккозиева в Ленинграде. 1984 г.

С друзьями из Часка Бегаим, Имиль. Сочи. 1985 г.

Поездка в Данию с О. Алмакучуковым. 2001 г.

Родители Бегаим: отец – Базыл Стамбеков, мать Зина, сестра Гуляим.
1980 г.

Зина-эже, её дочь Бейшакан, Бегаим, Рано, Имиль

Родственники на свадьбе Кубанычбека и Айнуры. В центре отец Айнуры, профессор Жолчу Асаналиев и мать Сайнабубу Кошалиева

Встреча с родителями Айнуры. Жолчу Асаналиев, Сайнабубу Кошалиева, Бегаим, Имиль

Семья Булата Акуновича и Флюры Магарифовны: Гуля, Дамир, Тима, Аида, Руслан, Аскар

Ильяс Акунович, жена Эркегуль, дети Данияр, Гульнура

Юбилейные поздравления от ректората, деканата, кафедр естественно-технического факультета. Декан Герман Викторович Лоцев. 2020 г.

Юбилейные поздравления коллег, кафедр Естественно-технического факультета. 2020 г.

Аккозиевы: отец Имиль, сын Кубанычбек, его жена Айнура
и дети Жаныбек и Актан. Берлин

Имиль Аккозиев с внуком Бектуром. Франция

Юбилей Бекена Касымалиева, рядом его жена Алтынай

Вместе с родственниками Бегаим Стамбековой Болот Мусаев
и его супруга Луиза

Встреча в московской квартире профессора А.Г. Алексенко.
В центре его жена Любовь Наумовна

Родственники на свадьбе Ильяса и Эркегуль

Свадьба Азамата и Лены

Бактыгуль на международной конференции

Встреча в Уч-Кайнаре, Канаевы: Бектурган, Марс, Индира, Болот.
Аккозиев Имиль и Акказиев Ильяс

Встреча с ветеранами Великой Отечественной войны в селе Уч-Кайнар, в школе. В первом ряду сидят Канаевы: Бектурган, Марс;
Аккозиевы: Булат, Имиль, Ильяс;
директор школы Рыскан Чогулдунова, 2015 г.

Аккозиев Имиль в размышлениях о прошедшем времени,
настоящем и светлом будущем

Содержание

Вместо предисловия.....	6
Наследники Каная.....	8
Детство и юношеские годы.....	18
Студенческие годы.....	45
Трудовая деятельность.....	70
Памятные фотографии разных лет.....	143

Имиль Аккозиев

НАСЛЕДНИКИ КАНАЯ

Редактор *В.С. Мальнева*

Набор текста: *Бектур Акказиев*

Обработка фотографий: *Светлана Павловская*

Компьютерная вёрстка: *Султан Боконбаев*

Подписано в печать 25.12.2020

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная

Объём 10,25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 43

Издательство КРСУ

720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ

720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а